

Елена Малиновская

Нечисть по найму

Тяжко кошке одной в темной комнате!..

Елена Малиновская
Нечисть по найму
Серия «Кошка по
имени Тефна», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165606

Нечисть по найму: Альфа-книга; 2008

ISBN 978-5-9922-0142-0

Аннотация

Говорят, кошки – умные существа. Они тихо крадутся на мягких лапках и за милю обходят любую опасность. Говорят, кошки – хитрые существа. Они без проблем выберутся из трудной ситуации. Жаль, что я нечисть и кошкой являюсь всего наполовину. Только такая неправильная кошка могла попасть в руки заклятого врага и заключить с ним договор. Теперь мне предстоит рискованный поход в компании храмовника и его странного сына к спящему кругу мертвых. Но тревожить покой мертвых небезопасно. Остается надеяться, что у меня, как у любой нормальной кошки, девять жизней. Одной может не хватить...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Елена Малиновская

Нечисть по найму

Часть первая

Договор превыше всего

Портрет получился что надо – в меру красочный, в меру узнаваемый и в меру оскорбительный. Я хмыкнула, почесала нос, случайно измазав его цветным мелком, и, прикусив язык от усердия, нарисовала на подбородке бургомистра жирную отвратительную бородавку. Бургомистр не возражал. Он только укоризненно смотрел на меня со стены городской ратуши, всем своим видом говоря: как вам, юная особа, не стыдно.

Признаться честно, стыдно не было ни капельки. Напротив, я испытывала настоящую гордость за такую прекрасную работу. Однако, по здравому разумению, рисунку не хватало некой завершенности. Надо было поставить окончательную шедевральную точку во всем этом художестве. Я подвигала бровями, искусно имитируя бурную умственную деятельность, затем приподнялась на цыпочки и размашисто вывела знаменитые три буквы. Портрет несчастного градоначальника едва не покраснел от стыда и негодования, но уйти со сте-

ны он при всем своем желании не мог. Теперь прямо по лбу изображения шла надпись. «Ррг» – гордо гласила она, что в переводе на всеобщий с языка сквернословов-орков означало орган для размножения, присутствующий у мужских представителей всех разумных рас.

Я довольно хихикнула. Конечно, еще необходимо было нарисовать этот самый орган. Но времени на финальный штрих не оставалось. Скоро, совсем скоро вокруг ратуши, печатая шаг, пройдет утренний караул. Попадаться ему на глаза мне как-то совсем не улыбалось. Да и, не ровен час, вот-вот начнут просыпаться жители славного города Мейчар, который стоит на перекрестке важнейших торговых путей королевства людей – Тририона. Восточный край неба, проглядывая между крышами невысоких двухэтажных домиков, уже стыдливо подернулся розовой дымкой рассвета. Хорошего понемногу. Пора степенно и важно уходить, словно добропорядочная горожанка. А не то придется драпать по этим самым крышам в образе драной, облезлой кошки. И отсиживаться пару недель дома, пока не смолкнут очередные разговоры о нечисти, поселившейся в наших краях. Еще и охотников пригласят. То-то веселье будет от освященных рун шарахаться, которые тут же во всех кабаках намалюют при входе. Конечно, навредить они мне вряд ли навредят, но парочку неприятных мгновений точно доставят.

Я еще раз окинула критическим взглядом свое творение. Хорошо бургомистр получился, ничего не скажешь. Глазки

выпученные, подслеповатые, три волосинки на лысой, словно яйцо дракона, голове во все стороны торчат. Из уголка рта тоненькая ниточка слюны свисает. Правильно, а нечего у честных веселых вдовушек треть дохода отнимать. Ишь чего удумал – на нужды города. Мне-то, если честно, глубоко безразличны все финансовые дела градоначальника. Но если друзья пожаловались – почему бы и не напакостить немного.

– Неплохо вышло, – неожиданно раздался за спиной одобрителный голос.

Я огромным усилием воли удержалась от прыжка с места на крышу дома. Платье ведь изорву от такого превращения, а жалко: за него целый серебряник уплачен. Сначала взглянуть надобно, кому это в такую рань не спится. А самое главное – разобраться, почему я его не учуяла за полста шагов.

– Спасибо, – как можно более бархатно и обольстительно промурлыкала я, оборачиваясь к нежданному свидетелю, при этом торопливо гася в глазах зеленые огоньки и переходя на человеческое зрение. Тотчас же сумрак вокруг сгустился, придвинулся ближе, и я подслеповато прищурилась, пытаюсь разглядеть, кого это бог-отступник принес на мою голову.

На расстоянии вытянутой руки от меня стоял мужчина. На первый взгляд лет тридцати – тридцати пяти, глаза и волосы темные, одежда дорогая. Даже слишком дорогая для простого прохожего. И меч на обычной перевязи, которая своей скромностью невольно обращала на себя внимание. Я недо-

уменно приняхалась. Ничего не понимаю, если живой – почему запаха не чую, а от мертвяка по очевидным причинам еще сильнее пахнуть должно.

Незнакомец хмыкнул, словно уловив мое недоумение, и нарочито поправил массивную серебряную цепь, на которой висел внушительных размеров знак одной из гильдий. Признаться честно, это меня озадачило еще сильнее. На светлом фоне медальона была без труда различима темная гравировка: какая-то весьма омерзительного вида жутко зубастая тварь. Означало ли это, что передо мной стоит один из представителей запрещенных гильдий? Ведь обычно на подобных знаках предпочитают изображать покровителей. Или в крайнем случае, так сказать, орудия труда. У трактирщиков – бутылка с кружкой, у наемников – обнаженный клинок, у охотников за нечистой – крест, символизирующий четырех богов пантеона людей. Ну, отца, сына, мать и дочь. Про бога-отступника, естественно, и речи идти не может. Кто там дальше имеется? У веселых вдовушек... Впрочем, ладно, прекратим на этом перечисление.

От рассуждений и раздумий толку было мало. Каждый миг приближал меня к возможности разоблачения, поэтому я решила перейти к активным действиям. А именно – аккуратно устранить непонятного человека и отправиться по своим делам. Вряд ли мне стоит ждать от него проблем. Давно и не мной замечено: если враг захочет на тебя напасть, то он сделает это сразу, а не будет с крайне задумчивым видом

пляться в слишком глубокое декольте.

– Нахал, – возмущенно прошипела я, как только до меня дошел смысл последней глубокой мысли. Затем фыркнула, гордо задрала подбородок и попыталась одной рукой незаметно подтянуть лиф платья повыше.

– Простите, – ни капли не смутившись, ухмыльнулся мужчина, но отойти даже не подумал, несмотря на то что я уже сделала маленький шажочек по направлению к нему.

– Пропустите, пожалуйста, – вежливо попросила я, пытаюсь обойти незнакомца.

Мужчина с издевательским полупоклоном тут же качнулся в сторону, преграждая мне путь.

– Бургомистр как живой получился, – заметил он, совершенно не обращая внимания на мою негромкую озвучку уже упомянутого орочьего ругательства, к которому я присовокупила пару гномьих крепких словечек.

– Тебе чего надо? – рассерженно фыркнула я, безрезультатно стараясь отпихнуть незнакомца с дороги.

По-моему, с большим успехом можно было бы пытаться пробить головой каменные ворота стольного нашего града Рейтиса. Мужчина на ногах стоял крепко и на мои тычки никак не реагировал.

– Я полагаю, горожане должны знать столь искусную художницу в лицо. – Незнакомец язвительно рассмеялся, незаметно отесняя меня к стене. – Вот утренний караул подоспеет, сдам тебя им на руки и пойду дальше по своим делам.

Пусть полюбуются на ту, по чьей милости им уже трижды приходилось ратушу собственными носовыми платками отмывать.

– Иди ты знаешь куда?! – чуть ли не в голос заорала я, воочию представив, как в наказание меня привяжут к позорному столбу на городской площади. Вот счастье-то будет целый день от гнилых помидоров уворачиваться. Это в лучшем случае. А ведь могут и к публичному десятку малых прутняков приговорить. Удовольствие то еще – на всю округу голым задом сверкать. Обойдутся! Уж лучше месяц от охотников скрываться, благо не привыкать, чем после такого позора здесь жить остаться.

– Сквернословие не украшает столь юную особу, – укоризненно произнес незнакомец и тут же охнул от неожиданности.

Я, не сдержав праведного возмущения, выпустила когти и от души полоснула его по правой руке. Ну, как сказать – полоснула. Просто дорогую шелковую ткань камзола располосовала, но на коже ни царапинки не осталось. А то ударится еще, бедняга, в панику. Побежит в храм богини-матери, а там его мигом приговорят к ампутации конечности, чтобы зараза от нечисти по всему телу не распространилась. И никому никакого дела не будет, что лишь зря бедолагу мучениям подвергнут. Скорее от комнатной собачки, которая сроду во дворе не бывала, бешенство подхватить можно, чем царапины, оставленные нашей братией, воспалятся. У нечи-

сти ведь тоже кое-какие понятия о гигиене имеются. Жалко непутевого, пусть и гадом он изрядным выглядит.

К моему удивлению, незнакомец совершенно не испугался подобного оборота дела. Напротив, даже обрадовался, словно ожидал от меня именно такого поступка.

– Ага! – радостно выкрикнул он, неувлимым движением перехватывая мою руку, занесенную для повторного удара.

– Убью! – прорычала я, пытаюсь освободиться от безумца, который, как оказалось, совершенно не боялся ни моих оскаленных крепких клыков, ни горящих зеленым бешенством глаз.

– Попробуй, – насмешливо отозвался мужчина, совершенно невежливо припирая меня к стене и пытаюсь свободной рукой что-то найти у себя на поясе.

Я тихо взывала от ужаса. Кажется, меня сейчас серебряным клинком попытаются пронзить. Мало того что платье порвет, так еще и кровью замысловатую вышивку по оторочке выреза заляпает.

Я резко вдохнула, призывая свою звериную ипостась. Так и так наряд погублю, так что хватит уже мешкать. Все равно нашествия охотников в ближайшие дни не избежать. Вдохнула – и тут же зашлась в безудержном чиханье. Мерзавец наконец-то нащупал то, что так долго пытался отыскать. К моему несчастью, этой вещью оказался не меч, а склянка с прозаической крепкой перцовой смесью, которую незнакомец тут же щедро сыпанул мне прямо в лицо. И шустро от-

скочил подальше, не держа меня более. Правильно, к чему самому этой дрянью дышать? Все равно для превращения мне сосредоточиться надобно, а как это сделаешь, когда наизнанку выворачивает?

– За что? – с трудом простонала я, в изнеможении опускаясь на влажную от утренней росы булыжную мостовую. В горле сильно першило, глаза разъедало, и даже слезы, ручьем катящиеся по лицу, никак не облегчали дикого жжения.

– Ничего личного, – пробурчал противник с неожиданным сочувствием. – Просто уж очень ты бургомистра достала своими художествами. А мне сейчас позарез необходимо его разрешение на одно дельце. Вот я и решил таким образом городское начальство задобрить.

– Гад ты!

От столь прозаической причины я еще сильнее разрыдалась. Понимаю, если бы ему за это заплатили хорошо. Даже возгордилась бы – вон как бургомистра достала, что он даже на охотника стоящего раскошелился. А так...

– Да ладно, не реви, – еще сильнее смутился незнакомец. – Подумаешь, постоишь денек на площади у столба, от тебя не убудет. Быть может, повезет и в тебя никто так ничего и не кинет. Ты девица симпатичная, авось толпа тебя пожалует. Я ведь не собираюсь про твою маленькую тайну кому-нибудь рассказывать. Честное слово, никто не узнает, что ты нечисть.

Я непроизвольно сжала кулаки. Длинные когти проскре-

жетали по мостовой, оставляя на камне глубокие борозды.

– Странно, – искренне удивился мужчина, присаживаясь на корточки и с нескрываемым интересом рассматривая мою кисть, из подушечек пальцев которой на миг показались и тут же скрылись острые изогнутые лезвия. – Не похожа ты на обыкновенного оборотня. А ведь человеческой кровью от тебя не пахнет, значит, убийством не промышляешь. Да и не слышал я ничего об исчезновениях людей в здешних краях.

Я тряхнула головой, пряча злой, влажный блеск глаз за длинной челкой, и вновь притворно чихнула. Не стоит пока показывать, что адаптация уже произошла.

– Что-то караул задерживается, – неодобрительно хмыкнул незнакомец и на миг отвлекся, окинув пустынную улицу внимательным взглядом.

Где-то неподалеку хлопнули ставни, показывая, что какая-то ранняя птичка уже проснулась. Еще немного – и бежать будет практически невозможно.

Низ живота налился тягучей ноющей болью, мир качнулся в глазах, быстро теряя краски и объем. Я напряглась, готовясь к прыжку.

– Не глупи, – совершенно невозможным образом угадал мои мысли мужчина и лениво посмотрел на меня.

Точнее на то место, где я должна была быть. Потому как мгновением раньше мое несчастное многострадальное платье, треснув, разошлось по шву и осталось лежать грудой безнадежно испорченного тряпья у стены. А я одним

отчаянным прыжком бросилась к противоположной стене. Представляю, как должен сейчас удивиться этот навязчивый незнакомец. Только что рядом с ним заходила в кашле и чиханье молодая девица, весьма неплохо, кстати, одетая, а уже через миг на ее месте очутилась серая помойная кошка. Правда, размерами скорее на среднего волка тянущая.

Однако мой пристававший кавалер и не думал так просто отпускать меня на все четыре стороны. Я была уже на полпути к крыше, цепляясь когтями за неровности в кладке дома, когда камень прямо около моего носа разлетелся сотней мелких жалящих осколков, один из которых пребольно чиркнул меня по щеке. Ярость и страх заставили преодолеть оставшееся расстояние за одну секунду. Раз – и я уже припала брюхом к крыше, жмурясь от восходящего солнца и пытаюсь рассмотреть, что же делает мой противник внизу. Надо же, повезло на храмовника наткнуться. А в том, что он храмовник, сомневаться, к сожалению, не приходилось. Кроме них, среди людей в нашем королевстве больше никто магией не пользуется. Кто ж знал, что такой важной персоне именно сегодня ночью приспичит мимо ратуши прогуляться и к рядовой нарушительнице порядка привязаться. Обычно эти типы чванливы и горды неимоверно. Далеко не за каждое дело берутся. Дракона там убить – еще можно, но за общественным порядком следить – побоятся себя на посмешище столь неприятельской работой выставить. Нестандартный мне храмовник какой-то попался, ничего не скажешь.

Но сломя голову тоже бежать не стоит, а то ведь шкуру подпалит, если не убьет сразу.

– Спускайся, – ласково посоветовало мне это чудо природы, материализуясь позади.

От неожиданности я вздрогнула и зашипела, раздраженно хлестнув себя по боку длинным хвостом.

– Давненько я метаморфов не видел, – тем временем продолжил мужчина, с нескрываемым любопытством рассматривая меня. – Думал, вас уже лет сто как всех под корень извели. А кто в живых остался – к гномам ушел.

Я продолжала рычать, щедро орошая поверхность крыши белыми клоками пены, падающей с оскаленных клыков, и начала потихонечку пятиться. Последние слова мужчины благодушия мне явно не прибавили. Как-то не хотелось пополнить своей скромной тушкой список охотничьих трофеев храмовника.

– Может, поговорим? – ласково спросил незнакомец, делая осторожный шаг вперед. – Я тебя не обижу, обещаю.

Ага, сейчас. Так я и поверила. Быть может, мне ему еще сапоги облизать и ошейник на собственной шее помочь застегнуть? Нашел доверчивую.

– Да не трону я тебя! – строго прикрикнул мужчина и придвинулся еще ближе. – Слово даю.

Я призадумалась. Конечно, с храмовниками лучше не связываться, это любая уважающая себя нечисть знает, но слово свое они держат крепко. Покоя никак не давал странный

знак на груди у незнакомца. Что-то он мне напоминал, что-то очень плохое, которое обычно стараются как можно быстрее забыть. Интересно, у какого храма такой медальон? Так сразу и не вспомнишь.

Воспользовавшись тем, что я на миг отвлеклась, мужчина вскинул руку в резком повелительном жесте. На кончиках пальцев задрожал, переливаясь, маленький ослепительно белый огонек. Я сразу же смертельно обиделась на такое вероломство. Значит, не тронет меня, не обидит. Собака брехливая он после этого, а не храмовник. Да и я хороша – забыла, что слово представителя божьего не имеет силу применительно к нечистой силе. Ну ладно, может, оно и к лучшему. Зеркальные чары единственные, которые у меня всегда получались безукоризненно.

Я напряглась, забыв на время даже о необходимости дышать и пристально наблюдая за храмовником. Время послушно замедлило ход, растягивая каждую секунду в вечность. Раз – огонек вылетает из ладони мужчины и медленно плывет ко мне. Два – из пасти вырывается слабое зеленое свечение, которое окутывает всю мою фигуру. Три – чужое заклинание, запутавшись в отражающих сетях, распадается на сотни составных частей. Теперь самое главное – не позволить ему ринуться обратно на создателя, отбить куда-нибудь подальше. Еще убью ненароком, тогда сразу в гномьи земли переселяться придется. Храмовники за своих мстят так, что остаток жизни прятаться и скрываться придется. Хотя, чув-

ствую, этой самой жизни у меня тогда останется всего ничего.

И – четыре – собственное тело, ставшее вдруг легким и воздушным, послушно устремляется вслед за отзеркаленными чарами. Собственное изобретение, которое я оттачивала многие и многие годы. На самом деле метаморфу это не так уж и сложно. Нам не привыкать менять ипостаси, проходя по грани миров, а это заклинание строится на том, что момент нематериальности тела просто длится чуть дольше. Фух, получилось. Время вновь набрало привычный ход, и все вокруг слилось в переливающиеся разноцветные полосы. Хотела бы я сейчас увидеть лицо храмовника. Обидно, когда птичка выскальзывает из западни в последний момент. И вдвойне обиднее, когда сам не понимаешь, в чем твой промах.

Чары незнакомца почему-то закончили действовать намного раньше, чем я предполагала. Странно, неужели он и в самом деле атаковал меня не смертельной магией? Впрочем, какая разница. Главное, я выбралась, выбралась живой и невредимой. Жалко только платье погубила. Но вдовушки за выполненный заказ мне стоимость трех подобных нарядов отдадут. Осталась сущая мелочь – постараться незамеченной добраться до своего дома, крадучись перебегая открытые места. Это нам не привыкать. Судьба у нас такая – постоянно в неприятности всеми четырьмя лапами, хвостом и любопытной усатой мордой влипать.

Ближе к полудню я уже маялась на родной крыше, раздумывая, что же делать дальше. А ведь когда-то это казалось на редкость удачной идеей – снять комнатку в одном из трактиров на окраине города, благо цены здесь не так кусались. Только не сообразила как-то, что из-за определенной репутации этого чудесного места вокруг него и днем, и ночью ходят толпы подозрительных личностей. Нет, я, конечно, могу при всем честном народе к себе в окно запрыгнуть, но уже через пять минут дверь вежливо вышибут хмурые типы и за шкуру понесут меня на самосуд.

Солнышко поднималось все выше и выше, а я печально и неприкаянно бродила вокруг печной трубы, раздумывая над своей нелегкой судьбиной. Эдак и сжариться можно на смерть. Да и есть после столь напряженной ночи хочется ого-го как. Энергию ведь тоже надо восполнять, иначе умру в самом расцвете сил от изнеможения. И потом, чуяла моя многострадальная серая шкура, что на этом злоключения с храмовником не закончились. Мне срочно необходимо было серьезно подумать о событиях последних часов. И подумать на сытый желудок, потому как иначе ничего путного все равно не соображу.

Уж не знаю, какой именно бог благоволит к нечисти, но небеса вдруг слышали мои молитвы. Или, что более вероятно, голодное бурчание моего желудка. С улицы совершенно неожиданно послышался дикий грохот, душераздирающее кудахтанье перепуганной домашней птицы и замыслова-

тые ругательства хозяина заведения. Я, заинтересовавшись, осторожно выглянула из своего укрытия. И тут же обрадованно метнулась к противоположной стороне крыши, выискивая, как лучше нырнуть к себе в окно. Поскольку во дворе трактира творилось настоящее и весьма шумное безобразие. Повозка, тихо-мирно перевозящая провиант для кухни, наехала колесом на камень и перевернулась, при этом деревянные клетки, в которых томились добропорядочные наседки и ярко-рыжие петухи, разбились. Птицы, почувствовав, что это их единственный шанс избежать попадания на вертел или в суп, мигом разлетелись по всему двору, и сейчас внизу шла увлеченная битва по сбору строптивой еды, в которой по мере сил и возможностей участвовали не только постояльцы, но и случайные прохожие. Правда, последние больше старались под шумок занывать пару жирных будущих окорочков и унести их к себе на стол. Понятное дело, от подобной наглости трактирщик ругался еще громче и выразительнее, не зная, то ли ловить оставшихся кур, то ли проворных воришек. Самое время пробираться к себе в комнату, пока все отвлечены бесплатным представлением.

Я зацепилась когтями за карниз и уже через секунду кулем свалилась на пол своей комнаты. Какое счастье, что я не боюсь воров и поэтому предпочитаю оставлять ставни и рамы открытыми настежь, когда ухожу на промысел. Все равно брать здесь нечего, да и наглец, осмелившийся обокрасть меня, долго с добычей не проходит. Отыщу по запаху и от-

беру все назад. Еще и подзатыльников надаю, чтобы неповадно было на чужое смотреть. Точнее на мое, поскольку на остальных мне плевать.

Через полчаса, наскоро смыв с себя пот бесславного сражения и переодевшись в скромное домашнее платье, я жадно грызла сухари из неприкосновенного запаса и безрадостно раздумывала над тем, что же делать дальше.

По всем прикидкам выходило, что надо бежать, причем чем скорее, тем лучше. Знаю я храмовников, теперь этот на редкость приставучий тип так просто не отвяжется. Тем более если он мой истинный облик разглядел. Эх, мало я за свои услуги у вдовушек запросила. Надо было раза в три больше брать. Да что уж теперь горевать. Жалко, что столь налаженный быт придется бросить, но делать нечего. Своя шкура дороже.

Едва я так подумала, как мохнатая лапка неясного беспокойства огладила мое сердце. Что-то происходило вокруг, что-то весьма и весьма необычное и опасное. В животе запульсировала привычная боль, словно принуждая к превращению.

– Что такое? – удивленно выдохнула я, усилием воли сдерживая зверя внутри.

Затем обернулась к зеркалу, из глубины которого на меня глянула невысокая светловолосая девушка лет двадцати с серыми глазами и курносым носиком. То бишь я. Ничего особенного, но некоторым представителям мужского пола

нравится. Конечно, не красавица, но подержаться есть за что темной ночью на сеновале.

Я нахмурилась и осторожно провела рукой по щеке, прямо по кровавой неглубокой царапине. А это еще откуда? И тут же услужливая память подсунула картину того, как каменный осколок впился мне в лицо и отлетел прочь во время недавней схватки.

– Святые отступники! – выдохнула я, обессиленно опускаясь обратно на стул.

Как я могла забыть? О каком бегстве теперь может идти речь? Если у незнакомца есть моя кровь, то он без проблем отыщет меня не только в этом городе, но и, пожалуй, в целом королевстве. Точно к гномам надо уходить. Из всех остальных разумных рас они наиболее терпимо к нашей отовсюду гонимой братии относятся. Главное, чтобы нечисть себя хорошо вела и не ела кого ни попадя. Правда, есть еще орки, но эти из-за своего весьма своеобразного чувства юмора сами могут заставить что-нибудь живое и весьма сопротивляющееся схомячить. А у меня изжога от разумных форм жизни. И вообще аппетит портится, когда жертва на ухо заунывно орет и пощады просит.

В голове испуганной гурьбой толкались мысли. Я заметалась по комнате, не зная, что делать в первую очередь – собирать вещи или плюнуть на все, подхватить мешочек, в котором бережно хранила отложенные на черный день монеты, и сразу же бежать.

«Успокойся, Тэфна! – Внутренний голос был на удивление суров и холоден. – Иначе наделаешь еще больше бед!»

Я всхлипнула в последний раз и послушно попыталась взять себя в руки. Получалось, если честно, плохо, поскольку эти самые руки тряслись от ужаса.

«Будем рассуждать логично, – продолжил тем временем глас моего рассудка. – Храмовник выйдет на охоту ночью, когда ему никто не сможет помешать. До этого времени ты никак не доберешься до гномьих земель. Прятаться же лучше не в чистом поле, а в многолюдном городе. Не мне тебе объяснять».

Я кивнула в подтверждение. Действительно, до полуночи мне вряд ли удастся достигнуть предела зова крови. Храмовник же с его умением мгновенно перемещаться на внушительные расстояния без проблем отыщет меня где угодно. И тогда мне придется ой как трудно. В городе хотя бы можно спрятаться за мирно спящими жителями, в лесу же только в берлогу медведя придется лезть за подмогой. Правда, думаю, в таком случае медведь сам с удовольствием в травле поучаствует. Храмовники всегда с животными отлично ладили.

– Я должна понять, с кем имею дело, – негромко произнесла я. – И прежде всего разобраться, что за медальон был у него на груди.

Внутренний голос одобрительно молчал, внимая моим рассуждениям.

– А когда он проведет ритуал вызова, его будет ждать весьма неприятный сюрприз, – неожиданно пакостливо улыбнулась я, вдруг поймав шальную, безумную мысль за хвост.

В самом деле, если храмовник хочет видеть перед собой нечисть, то почему ему надо мешать в этом стремлении? Запаха крови ему от меня, видите ли, не хватало. Будет ему кровь, будут и внутренности с сырым мясом.

Я озабоченно выглянула в окно. Солнце еще стояло высоко, следовательно, успею к знакомому архивариусу заглянуть, а на обратном пути на скотобойню заскочу за необходимым для спектакля реквизитом. Интересно, какой будет реакция привязчивого незнакомца, когда на пороге собственного дома он в полночь обнаружит разъяренную кошку, перемазанную протухшей кровью и в ошейнике из благоухающих потрохов? Вряд ли он захочет свои чистенькие ручки пачкать. Авось откуплюсь по дешевке – парой нудных нравоучений да окроплением святой водицей. Переживу как-нибудь такую неприятность.

* * *

Невысокие каблукы легких туфель звонко шелкали по мостовой. Я быстро миновала небольшую площадь рядом с родным трактиром и углубилась в лабиринт узких извилистых улочек. Солнце, стоящее в зените, безжалостно выжигало город, отражаясь мутным блеском в окнах домов. Сразу

же захотелось пить, а лучше – с головой залезть в прохладную речку и там поплескаться вдоволь. Жаль, что со своими желаниями придется обождать.

Я набрала скорость, надеясь побыстрее прошмыгнуть палящее марево полдня и нырнуть в тихий сумрак библиотеки. Но за ближайшим поворотом меня поджидал неприятный сюрприз, который заставил резко притормозить. Прямо посередине улочки, кокетливо и маняще покачивая округлыми бедрами, величаво выступала незнакомая дородная девица, подметая мостовую пышным подолом своего платья. Я, погруженная в мрачные раздумья, не сразу заметила это чудо природы, поэтому едва не ткнулась носом в ее спину. Затем нетерпеливо затанцевала, попыталась обойти красавицу, но потерпела сокрушительное поражение. Не сталкивать же ее со своей дороги, это как-то совсем некультурно. Проблема заключалась в том, что разминуться в узком переулке было весьма проблематичным делом, а девица, по всей видимости, никуда не торопилась. И совершенно не понимала вежливых покашливаний за своей спиной.

– Девушка, нельзя ли побыстрее? – не выдержав, все же решила я задать вопрос. Внутри все подрагивало от нетерпения – так мне хотелось поскорее узнать, что же означал странный медальон на груди у храмовника. А с такими темпами, боюсь, я до архивариуса еще часа два пикировать буду.

Горожанка возмущенно фыркнула и презрительно посмотрела на меня через плечо. Скривила недовольную гри-

масу, разглядев скромное приталенное платье и отсутствие всяческих украшений.

– Ходют тут разные простолюдинки, – громко заметила она. – А еще добропорядочных матерей семейств смеют окликать.

После этих слов девица с высокомерной физиономией подняла руку и нарочито небрежно поправила прическу, выставив на всеобщее обозрение широкий обручальный браслет, туго обхвативший ее запястье. Явно муженек из торговой гильдии – вон, на золото-то не поскупился.

– Я тороплюсь, – миролюбиво пояснила я, не собираясь устраивать скандал на ровном месте.

– Куда? – скривилась, точно от недозрелой клюквы, девица. – Поди, на сеновал к какому-нибудь забулдыге спешишь, туфли от нетерпения теряя. Смотри не продешеви. На пару медяков уж точно потянешь.

И эта на редкость неприятная особа с издевательским хихиканьем вновь загородила мне дорогу.

Если она ожидала, что я растеряюсь от такой наглости, покраснею и со стыдом поспешу ретироваться, то ее постигло большое разочарование. Нет, краска мне и в самом деле ударила в лицо. Но только краска негодования, а не смущения.

Обостренный нюх зверя без проблем помог установить, что на ближайшем балконе томится ночной горшок, который нерадивые хозяева забыли с утра вылить. Хороший такой горшочек – на добрую половину заполненный. Я довольно

ухмыльнулась, прикрыла лицо ладонью, словно прячась от лучей солнца, но в действительности скрывая зеленые искры бешенства в глазах. И прошептала пару ласковых вдогонку нахальной девице, при этом благоразумно замедлив шаг.

Через секунду впереди раздался громкий звон и душераздирающие вопли моей горе-противницы. Я спрятала мстительную улыбку в уголки губ при виде облитой нечистотами и морально побежденной девицы. Надо сказать, голова у нее оказалась весьма крепкой – несчастный горшок разлетелся на сотни осколков, а этой особе хоть бы хны. Правда, прическа, впрочем, как и дорогой наряд, оказалась безвозвратно испорченной.

Я демонстративно зажала нос и шустро прошмыгнула мимо омерзительно благоухающей девицы.

– А вот за тебя, сестричка, никто теперь и ломаного грошика не даст, – язвительно посочувствовала я ей и, рассыпая по мостовой дробь каблуков, побежала по своим делам.

– Я буду жаловаться бургомистру! – раздавались позади отчаянные крики. – Безобразие! Да как так можно – добропорядочных горожан всякой гадостью поливать!

– Не гадостью, ваша милость, – громогласно поправил кто-то из собравшейся любопытствующей толпы. – Не гадостью, а самым что ни на есть...

Взрыв смеха заглушил последнее слово, впрочем, о смысле его не пришлось долго гадать. И так все понятно было.

Аджей, мой давнишний приятель, работающий в городской библиотеке за сущие медяки, только бы быть поближе к книгам, принял свою старую знакомую весьма любезно. Точнее, он едва не задушил меня в объятиях, стоило лишь появиться на пороге библиотеки. И тотчас же потащил к себе в комнату, впрочем при этом не забыв запереть читальный зал на внушительных размеров амбарный замок.

– Все равно в такую жару все по домам сидят, – объяснил он и вновь заключил меня в стальные тиски своих рук.

– Прекрати! – пискнула я, пытаюсь с наименьшими потерями выбраться из его медвежьей хватки. – Ты же мне синяков наставишь!

– Тефна! – Словно не расслышав этих слов, от избытка чувств архивариус стиснул мои многострадальные ребра так, что они отчетливо хрустнули. – Как же я рад тебя видеть!

– Так рад, что решил меня убить? – с трудом выдохнула я и отчаянно заработала локтями, показывая, что он переборщил с приветствием.

– Ой, прости.

Аджей тут же разжал руки, и я в изнеможении осела на ближайший стул, жадно хватая ртом воздух. Затем искося посмотрела на приятеля.

Надо сказать, Аджей походил на архивариуса так же, как разбойник и душегуб с большой дороги на скромную и хрупкую девочку из благочестивой семьи. Каждый, кто узнавал род деятельности Аджея, сначала раздражался искренним

смехом, уверенный, что его разыгрывают, а потом в изумлении замолкал. Представьте себе высокого, здорового деревенского детину лет двадцати пяти, ростом под притолоку и весом около ста пятидесяти килограммов. Представили? А теперь присовокупите к этому низкий покатый лоб, глубоко посаженные глаза и массивную нижнюю челюсть. Стоит ли удивляться тому, что библиотеку лично я считала самым безопасным местом в городе. Если когда-нибудь на наш Мейчар осмелится напасть вражье войско, то его поход закончится сразу же, как только противник достигнет места работы Аджея. Поскольку, несмотря на столь внушительную внешность, мой друг не представлял себе жизни без книг. Ради них он готов был голодать, одеваться как последний нищий, выгнанный из гильдии, и претерпевать любые другие лишения. Думаю, архивариус стоял бы насмерть, защищая драгоценные рукописи и свитки от нашествия неприятеля. И, весьма вероятно, в результате остался бы в победителях, так как силы ему не занимать. При мне на спор из кочерги замысловатые вензеля сначала скручивал, а потом раскручивал.

Хотя, если говорить совсем откровенно, в повседневной жизни Аджей был совершенно безобидным, он даже мух убивал без удовольствия и лишь по острой необходимости. А уж про его доброту и великодушие ходили настоящие легенды. Зря, что ли, каждый день к библиотеке сбегалась со всего города бездомная живность. Знали, что тут их всегда

накормят и приветят. Мой приятель готов был последнюю краюху хлеба отдать первому встречному.

– Аджей, мне нужна твоя помощь, – наконец отдышавшись, начала я разговор.

– Ради тебя, Тефна, все, что угодно! – От избытка чувств приятель с размаха уселся на табурет, который под ним опасно закрипел и прогнулся, но выстоял. – Ты же знаешь, что я твой должник по гроб жизни!

Я поморщилась от столь пафосных слов. Да, наше знакомство в свое время началось с того, что мне удалось вытащить Аджея из весьма неприятного и щекотливого дельца, в которое он угодил исключительно из-за простодушия и наивности. Но с той поры приятель столько раз выручал меня, что я уже и со счета сбилась.

– Слушай, ты ведь неплохо разбираешься в медальонах гильдий? – осторожно начала я расспросы, решив сразу же взять быка за рога.

– Это было темой моей дипломной работы в столичном университете, – расплылся в довольной улыбке Аджей. Затем нахмурил лоб и без запинки процитировал: – «Знаки гильдий с древнейших времен по наши дни. Запрещенные, разрешенные и рекомендованные. Взаимосвязь фольклорных элементов с изображениями на храмовых талисманах».

– Отлично! – обрадовалась я. – Тогда расскажи, что это за чудо-юдо.

Я вытащила из вороха бумаг, в беспорядке сваленных

в окрестностях письменного стола, более-менее чистый листок и схематично набросала ту тварь, которая красовалась на медальоне странного типа. Придвинула малость корявое, но все же вполне узнаваемое изображение к Аджю. Тот сразу же подслеповато уткнулся в предложенный рисунок и смешно сморщил нос, что-то негромко нашептывая.

– Это знак какого-то храма, – попробовала я помочь приятелю. – Точно не знаю какого. Быть может, бога-отца?

– Не говори глупостей, – отмахнулся он от моего предположения. – Тогда на медальоне был бы изображен символ воды как истинного начала всего сущего. Хм... Вообще не похоже, чтобы этот знак принадлежал храму. Служительницы богини-матери носят на груди знак земли, из которой мы все пришли и в которую все уйдем. У сына – огонь, который сжигает все на своем пути, но без которого немислимо существование человека. У дочери – ветер, перед которым нет преград. Даже у слуг бога-отступника, не к ночи про него помянуть, на знаке просто ничего не изображено. Пустота как отрицание жизни и порядка. Глупость какая-то. Ты уверена, что этот знак принадлежит храму? Он совершенно не похож на символы стихий. Скорее я бы сказал, что это медальон какой-нибудь гильдии.

– Человек, на котором я его видела, пользовался невидимым искусством, – медленно, тщательно подбирая слова, отозвалась я. – Кроме храмовников, на это больше никто не способен.

– Маг? – Аджей с сомнением вздернул брови. И тут же порывисто вскочил со своего места, неловким движением опрокинув табурет. Но поднимать его и не подумал, выбежал из комнаты, кинув мне: – Жди здесь!

Я пожала плечами, ничуть не удивленная странным поведением приятеля. Если у него появлялась какая-нибудь идея, то он про все забывал, становясь по-настоящему одержимым.

Медленно тянулись минуты ожидания. Я, не в силах спокойно сидеть, металась по комнате, пытаюсь хоть как-нибудь отвлечься от горестных раздумий о своей дальнейшей судьбине. Наконец мне на глаза попалась копченая колбаса, которую мой приятель, видимо, приберег себе на ужин. Недолго думая, я впилась в нее зубами, вспомнив, что сегодня забыла нормально позавтракать. Думаю, Аджей простит мне такое своеволие.

Колбаса быстро закончилась, а приятель так и не появился. Я воровато вытерла жирные пальцы об занавески, плачевное состояние которых показывало, что хозяин комнаты и сам не чужд подобного свинячества. Подождав ради приличия еще немного, неторопливо подошла к порогу, собравшись отправиться на поиски своего непутевого приятеля. И в этот самый момент дверь с грохотом распахнулась, едва не заехав мне по лбу. Я испуганно отпрянула, а в комнату вбежал Аджей, торжествующе размахивая пыльным пожелтевшим пергаментом.

– Нашел! – радостно заорал он, вспугнув тем самым парочку голубков, мирно ворковавших на подоконнике. – Это и в самом деле знак храма. Только не рекомендованный, а как бы это правильно выразиться... Словом, не для всеобщего пользования.

– То есть? – не поняла я. – Какая-нибудь отколовшаяся ветвь служения?

– Почему отколовшаяся? – Аджей пожал плечами. – Понимаешь ли, в каждом храме существует строгое разделение полномочий. Есть настоятели, которые ведут имущественные дела храмов. Есть священники, которые проповедуют и несут веру в массы. Есть обычные послушники, составляющие абсолютное большинство. И есть те, которые защищают храмы в трудные минуты. Так сказать, меч и щит храма.

– Понятно. – В висках нестерпимо запульсировала боль. Вот влипла так влипла.

– Я раньше думал, что это все легенды, – продолжал таторить Аджей, не обращая на меня внимания. – Но если ты говоришь, что сама видела этот знак... Смотри, я разыскал его. – И приятель ткнул мне под нос лист, на котором была изображена уже знакомая мне тварь. – Это храмовники бога-сына, – почему-то шепотом пояснил Аджей. – Говорят, некогда его воины очищали людей от полчищ чудовищ, которые наслал на наши земли бог-отступник. Они были первым заслоном против нечисти, расходным материалом. Вот на медальоне и отчеканили то, с чем боролись эти ребята.

Погибло их тогда видимо-невидимо.

Аджей все говорил и говорил, но я уже не слушала. Остекленевшим взглядом я смотрела на надпись, которая шла по краю рисунка. По всей видимости, девиз храмовников: «Против нечисти – до смерти». Ничего не скажешь, внушительно звучит. Особенно если ты являешься этой самой нечистью.

– Что с тобой? – наконец заподозрил что-то неладное Аджей и легонько похлопал меня по плечу. – Ты чего притихла?

Я вздрогнула, приходя в себя. С трудом улыбнулась обеспокоенному приятелю, хотя одеревеневшие от напряжения мышцы лица почти не слушались меня.

– Все в порядке, – лживо хохотнула я. – Не зря мне этот мужик сразу не понравился. Сам знаешь, с храмовником связываться себе дороже. У них ни стыда ни совести. Считают, что свои грехи без проблем перед божеством замолят.

– Может, расскажешь, что он от тебя хотел? – нахмурился Аджей и воинственно засучил рукава. – Я ему быстро по шее накостыляю! Узнает, как бедных сироток обижать.

Бедная сиротка в моем лице скептически хмыкнула. По всему выходило, что это храмовник Аджею по башке надает, если не испепелит сразу же. Все-таки как-то нечестно получается, когда кто-то может пользоваться магией, а кто-то нет. Ладно, я нечисть, мне сама природа велела темным волшебством заниматься и пакостничать по-всякому, мешая доброму народу жить. Чем в меру своих сил и способностей и за-

нимаюсь. Но среди людей-то почему такая несправедливость царит?

– Не волнуйся, все в порядке, – попыталась я успокоить друга. – Просто... Мы, так сказать, поспорили по поводу искусства. Ему не понравилось, как я рисую.

– Ну это он зря, – совершенно искренне расстроился Аджей, кинув одобрительный взгляд на изображение твари с медальона. – Я всегда считал, что тебе надо на отделение изобразительного искусства в столице поступить. В Рейтисе твой талант быстро бы заметили.

«Не сомневаюсь, – подумала я. – Полагаю, уже через месяц портрет декана пугал бы своим ужасающим и карикатурным видом несчастных студентов со стены факультета».

Но вслух этого благоразумно не произнесла.

– Ладно, пора мне, – заторопилась я, вспомнив о необходимости тащиться на скотобойню. – Спасибо за помощь!

– Может, ты поесть хочешь? – заволновался Аджей, рыскающая жадным взглядом по столу. – Тут у меня где-то колбаска припасена была. Но для друга ничего не жалко. А то на тебя страшно смотреть – худющая какая.

Я смущенно потупилась и принялась бочком отступать к двери. Признаваться в своем вероломстве совсем не хотелось. Мало того что человека от работы отвлекла, так еще и его припасы нагло схомячила.

– Странно... – продолжал удивляться Аджей и на всякий случай заглянул под стол. – Куда она могла деться? Точно

помню, тут была.

Я скромно захлопала длинными ресницами, сделав совершенно невинное выражение лица. Словно кошка, втихаря умявшая целую кринку сметаны. Хотя почему словно?..

– Пока, Аджей, – кинула я и стремглав выскочила из комнаты, не забыв прихватить с собой листок пергамента.

На досуге еще изучу, с кем предстоит дело иметь. Надо же знать в лицо врага, к которому собираешься ночью на свидание отправиться.

На скотобойне меня давно знали и уважали. Я славилась здесь тем, что некогда помогла хозяину заведения за умеренную плату уладить проблемы с неким хищником, который повадился таскать парное мясо чуть ли не из-под носа здешних работников. Признаюсь честно – этим самым хищником была не я, а всего лишь оголодавшая молоденькая нетопырка, слишком рано покинувшая родное гнездо. С ней мы быстро нашли общую тему для разговора, правда, сначала пришлось несколько часов, высунув язык, носиться за пакостливой воришкой по загону. Потом, когда мне удалось загнать огромную летучую мышь в угол, мы поговорили по-женски – с визгом и расцарапыванием друг друга в кровь. Естественно, из этой битвы я вышла победительницей. И отправила охамевшую нечисть в далекий поход за город к ее родственникам. На моей территории воровать, охотиться и делать гадости могу только я! Чем, собственно, и зарабаты-

ваю себе на жизнь вкупе с другими мелкими правонарушениями.

Наверное, мой заказ – ведро протухшей крови и пара килограммов внутренностей не первой свежести – показался мясникам несколько необычным. Но они уже давно привыкли не удивляться моим странным выходкам и просьбам. Мало ли, вдруг я очередное пожелание какой-нибудь запрещенной гильдии выполняю.

– На свидание к упырю, что ли, собралась? – попробовал пошутить хозяин скотобойни, маленький жилистый мужичок с очень нехорошим выражением прозрачных голубых глаз.

Даже меня всегда прошибал холодный пот, когда я ловила на себе его спокойный и несколько оценивающий взгляд. При всем при этом стоило добавить, что никто никогда не видел, чтобы Варий, а именно так звали хозяина скотобойни, кому-нибудь угрожал или на кого-нибудь кричал. Он просто грозно сдвигал кустистые брови и по-особенному хмыкал, после чего любой непорядок оказывался устраненным за несколько секунд.

На самом деле я подозревала, что в родне Вария были василиски, иначе у кого еще он мог научиться так по-звериному смотреть на человека. И подозревала не я одна. Но платил он своим людям хорошо, по пустому поводу не бесчинствовал и разногласия всегда улаживал на редкость справедливо. Поэтому его работники не роптали, здраво рассудив,

что уж лучше человеколюбивая нечисть в хозяевах, чем честолюбивая сволочь. Хотя это спорное выражение, ничего не скажешь. Смотря в каком виде эта самая нечисть любит людей – сыром, живом или хорошенечко прожаренном.

– Что ты, Варий, – я широко улыбнулась, пытаюсь дышать ртом и не смотреть лишний раз на ведро с густой бурой жидкостью, – вот, решила для женщин омолаживающие маски и ванны делать.

– Чего?!

Похоже, в этот раз мое искрометное чувство юмора даже невозмутимого Вария вывело из состояния равновесия. Потому как он поперхнулся, побагровел и с ужасом посмотрел на склизкие кишки, которые как раз сваливали во второе ведро.

– А что такого? – нарочито удивилась я. – Зря, что ли, с давних времен различные колдуньи в крови девственниц купались? Животная энергия, содержащаяся в жизненных соках тела, помогает повернуть время вспять, делает кожу мягкой и бархатистой, а волосы шелковистыми и блестящими.

– Ты меня, конечно, Тефна, извини, – с сомнением пробурчал Варий, несколько позеленев после моей патетичной речи, – но я зуб даю, что мои буренки девственницами не были.

– Да, это проблема, – с притворным огорчением вздохнула я. – Невинные девицы сейчас и среди людей чрезвычайно редко встречаются. На их основе по-настоящему широкое

дело не замутишь. Приходится пользоваться заменителями. Конечно, эффект похуже, но все равно впечатляющий. Хотя кому я рассказываю. У тебя вроде жена есть? Веди ее сюда! В честь нашей дружбы первая процедура для вашей пары бесплатно!

– Пары?! – взвыл несчастный мужичок, видимо, воочию представив, как я заставлю его погрузиться в это благоухающее месиво.

– Конечно, – пытаюсь не рассмеяться в полный голос, серьезно отозвалась я. – Ежели твоя жена помолодеет, то ей и муж нужен будет под стать, юный и прекрасный. Да что мы спорим, давай лучше у нее спросим, хочет ли она абсолютно даром получить сеанс омолаживания, который для всех остальных будет стоить целый золотой.

– Знаешь что, Тэфна, – сразу же засуетился Варий, смекнув, что не надо быть провидцем для угадывания ответа его жены, – иди-ка ты отсюда по-хорошему. Потом как-нибудь, нет сегодня моей жинки, к родителям она уехала.

– Правда? – огорчилась я, вспомнив, что при входе поздоровалась с этой замечательной женщиной. – Тогда в следующий раз. Сколько с меня?

– Да не надо мне ничего! – горячо убеждал меня хозяин скотобойни, воровато оглядываясь по сторонам и, видимо, страшась в самый неподходящий момент увидеть свою подругу жизни. – Для тебя все бесплатно.

– Спасибо, Варий, – от души поблагодарила я и поспеши-

ла на улицу, прихватив тяжелые ведра. Хоть пару грошиков, да сэкономила.

По здравому разумению выходило, что с таким грузом меня в трактир не пустят. Зловоние шло столь сильное, что я удивлялась, как меня еще не задержали за нарушение общественного порядка и для дальнейших разбирательств. Наверное, стражники просто чуяли мое приближение и торопились обойти источник непонятного гнилостного аромата за много домов округ. Редкие прохожие, попадающиеся мне навстречу, торопливо убегали в соседние переулки, пряча лица в надушенные платочки. Впрочем, только это мне и надо было. Компания мне сейчас лишь повредит.

Место для моих темных делишек было присмотрено уже давно и в черте города, чтобы не нервировать лишний раз охрану ворот. На западной окраине Мейчара протекал бурный и довольно широкий ручей, куда горожане с удовольствием сливали все отходы своей жизнедеятельности. Из-за характерного запаха безымянную речку прозвали Вонючкой. Здесь я могла быть уверенной, что специфический аромат моего необычного снаряжения не привлечет ко мне внимания.

Жители этого района по вполне понятным причинам предпочитали селиться подальше от реки, поэтому окрестности радовали густой зеленой порослью. Я отыскала удобный спуск к воде и уселась на поваленное деревце, ожидая, когда окончательно стемнеет. Наверное, будь я человеком,

не рискнула бы бродить по этим краям в одиночестве, поскольку нехорошая слава пустыря гремела по всему городу, и даже в моем отнюдь не законопослушном окружении его предпочитали обходить далеко стороной.

Но звериная часть моей натуры относилась к этим страхам с большим пренебрежением. Пусть хоть кто-нибудь попробует на меня тут напасть. Мигом узнает, что выражение «В каждой женщине дремлет разъяренная фурия» не всегда бывает только фигуральным.

Я с сомнением принялась. Ведра, смирно стоящие неподалеку, благоухали, перебивая своей вонью даже аромат ручья. Как представляю, что мне всем этим обмазываться придется, так дрожь омерзения по телу идет. А вообще, стоит разобраться, столь ли хороша моя идея, как показалась сначала. Если давешний незнакомец всю свою жизнь посвятил борьбе с нечистью, он вряд ли испугается испачкать руки о какую-то там кошку. Пусть и весьма смердящую. Может, плюнуть на все и драпать в южные горы к гномам? Пусть и не успею уйти, так хоть постараюсь.

Я грустно вздохнула и покачала головой. Нет, не выйдет. В городе имеется хоть какая-то вероятность того, что жизни других горожан перебыют зов крови. На открытом же, безлюдном пространстве меня будет намного проще выследить. И убить, поскольку не надо бояться, что кто-нибудь невинный под горячую руку попадет. Поэтому из Мейчара мне сейчас совсем не желательно высываться. Здесь есть сла-

бая, но надежда спрятаться за чужими спинами, если провалится моя затея с потрохами.

Оставалось лишь надеяться, что храмовник не захочет связываться с безумной нечистью. Эти святоши ведь чисто-плюи те еще. Никогда не будут грязную работу собственноручно выполнять, обязательно постараются на кого-нибудь ее переложить. А с обычным человеком я без проблем совладаю.

Не давало покоя только странное изображение на медальоне. Я точно его уже когда-то видела. Поэтому и угадала так легко зубастую тварь в переплетении линий, несмотря на темноту. Не вспомнить сейчас, а жаль. Чую, это мне весьма пригодилось бы.

Темнело быстро, как всегда в это время года на юге. Душный, влажный сумрак раннего вечера быстро сгустился, набирая силу, и пополз липкими щупальцами по земле. Здесь, под сенью деревьев, было даже слегка жутковато. Казалось, будто на многие мили вокруг нет ни души, хотя я знала точно, что нахожусь в густонаселенном городе. Пожалуй, крикни погромче, что задарма выпивку предлагают, – через миг уже не протолкнуться от страждущих будет.

Пришло время принимать другой свой облик. Конечно, можно было подождать наступления настоящей ночи, но вдруг храмовник окажется настолько нетерпеливым, что призовет меня сразу же на вечерней заре? Во-первых, опять платье изорву неконтролируемым превращением. Оно пусть

и простенькое, но тоже кое-каких денег стоит. И потом, вот будет мне веселуха на следующее утро вновь окольными путями домой добираться. А во-вторых, все-таки негоже одинокой девице ночами по злачным местам шляться. Нечего будить в добропорядочных прохожих низменные инстинкты и порочные желания.

Я настороженно прислушалась. В радиусе полусотни шагов никого не было – самая пора для прилюдного оголения. Ежась от прохладного ветерка, я быстро скинула платице, осторожно свернула его и спрятала в дупло ближайшего дерева, давно облюбованное мною для подобных тайников. Затем встряхнулась, привычно переходя в звериную ипостась. Секунда – и только блеснули во тьме зеленые кошачьи глаза. А теперь подождем зова. Когда он раздастся, у меня будет пара мгновений для того, чтобы перемазаться в крови и внутренностях. Заранее это делать мне совсем не улыбалось. Мало ли, вдруг храмовник сегодня под взбесившуюся лошадь попал и упокоился с миром в обители своего бога. Эх, как было бы хорошо. Хотя странно – ведь по городу до сих пор не ходят слухи о сражении доблестного мага с нечистью, в котором злая сила была повержена и с величайшим трудом спаслась бегством. Почему? Неужто решил не поднимать панику до тех пор, пока у него над дверью не будет прибита моя несчастная голова в качестве трофея?

В груди заворочалось уже знакомое беспокойство. Я притихла, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Так, на

зов не похоже, но что-то непонятное точно происходит. Будто кто-то осторожно потянул за поводок, принуждая зверя сделать первый шаг навстречу охотнику. Я клыкасто усмехнулась и одним ударом лапы опрокинула оба ведра. Затем принялась кататься в вязком месиве, стараясь не потерять сознания от омерзительного запаха. Посмотрим, храмовник, как долго ты вытерпишь мое присутствие рядом.

Невидимая цепь, протянувшаяся от охотника ко мне, напруглась еще сильнее, показывая, что меня уже заждались. Надо же, великодушничает, нет чтобы сразу со всей мочи дернуть. Чудной какой-то, честное слово. Впрочем, оно и к лучшему. Авось успею оглядеться на месте и сообразить, что к чему. Все приятнее, чем с выпученными глазами нестись по городу, не имея возможности воспротивиться воле вызывающего.

В городе после заката солнца жизнь отнюдь не замирала. Напротив, на улицах было весьма многолюдно. Это днем, в период невыносимой жары и духоты, Мейчар вымирал. Поздним же вечером горожане выбирались из своих домов с тем, чтобы прогуляться по улочкам, обсудить с соседями последние сплетни или просто подышать свежим воздухом.

Последним сегодня явно не повезло. Поскольку разило протухшей кровью от меня на полгорода, не меньше. Конечно, я не рискнула пробираться к дому храмовника прямо по улицам, вежливо прося прохожих расступиться. Мой путь пролегал по крышам, но гуляющим внизу от этого явно не

было легче. То и дело до меня доносились недоуменные восклицания и смущенные тихие извинения тех, кого обвиняли в испорченном воздухе.

– Говорила тебе, нечего на ночь гороховый суп хлебать! – разгневанно выговаривал женский голос. – А еще чесночным хлебом закусывал! На улице сегодня спать будешь, дышать рядом с тобой невозможно!

– Дорогая, это не я, клянусь! – робко пролепетал в свое оправдание мужчина. И тут же охнул, когда его темпераментная супруга, не выдержав, огрела непутевого муженька чем-то весьма увесистым по голове.

Я сочувственно хмыкнула и ускорила шаг, пытаюсь своим быстрым исчезновением помочь несчастному в его нелегкой семейной жизни.

Как оказалось, храмовник жил в восточной части города, которая славилась своими маленькими ухоженными домами и роскошными магазинами. Верно, деньги у этого типа водились, и немалые, раз он мог себе это позволить. Но моей участи данное обстоятельство не облегчало. Мало того что мне пришлось со всей возможной осторожностью пробираться через весь город и послужить невольной причиной множества ссор. Напоследок повезло нарваться на чересчур ретивую стражу, которая охраняла эту местность не в пример более усердно. Думаете, приятно полчаса сидеть на дереве, боясь даже пошевелиться, когда внизу рыскают несколько дюжих молодцев, пытаюсь понять, видели ли они на самом

деле что-то непонятное или им показалось. При всем при этом сдерживая дерганья поводка, которые стали менее аккуратными и весьма чувствительными. Видимо, храмовник наконец-таки потерял терпение и захотел поторопить нескорчивую нечисть.

Мое сидение на дереве закончилось тем, что самого упитанного мужчину из караула обвинили в чрезмерном пристрастии к квашеной капусте со всеми вытекающими из этого последствиями. Стражник сильно обиделся на столь огульные слова и решил защитить свое доброе имя кулаками. Через пару мгновений под деревом завязалась весьма красочная драка. Я улыбнулась и, пользуясь неразберихой и темнотой, продолжила свой нелегкий путь.

Так или иначе, но ближе к полуночи я уже сидела под дверьми несносного привязчивого типа и прислушивалась к тому, что творилось внутри маленького одноэтажного домика, утопающего в пышных зарослях неизвестной мне растительности.

Казалось, что в доме не было ни души. Там царили тишина и могильное спокойствие. Даже обостренный нюх зверя не улавливал присутствия никого живого. Впрочем, он и при первой нашей встрече храмовника не почуял, так что это не показатель.

Мучимая дурным предчувствием, я подошла к порогу и аккуратно толкнула лапой дверь. Как и следовало ожидать, она оказалась незапертой. Происходящее нравилось мне все

меньше и меньше. Настораживало и то, что зов утих и невидимая связь, протянувшаяся от меня к храмовнику, прервалась. Словно он был уверен в том, что я от него теперь никуда не денусь.

Здраво рассудив, что около порога меня будут ждать в первую очередь, я решила войти в окно, створки которого в этот теплый вечер были распахнуты настежь. Прижалась к земле, примериваясь перед прыжком, и легко перемахнула через подоконник.

И тут же взвыла в полный голос, совершенно забыв о необходимости соблюдать тишину. Потому как с размаха попала во что-то мокрое и чрезвычайно холодное. Покажите мне кошку, которая любит принимать ледяные ванны! Не знаю, быть может, на свете и существуют такие извращенные особи семейства кошачьих. Но я к ним явно не относилась. Поэтому я заорала, словно мне прищемили хвост, и отчаянно принялась бултыхаться, пытаюсь выбраться из столь подлой западни.

– Ага! – произнес уже знакомый мужской голос. – Попалась, красавица! Держи ее крепче, Рикки.

Стоит ли говорить, что после такого приветствия я твердо вознамерилась как можно быстрее выбраться на сушу с тем, чтобы дать, по всей видимости, свой последний бой. Но не тут-то было. На плечи мне обрушилась непонятная тяжесть, и я с головой ушла под воду. Попыталась закричать и там, поперхнулась и едва не захлебнулась, при этом изрядно на-

хлебавшись жидкости.

Силы медленно покидали меня. Человек, удерживающий меня под водой, совершенно не собирался давать мне хоть глотка воздуха. Еще чуть-чуть, и я бы просто-напросто задохнулась. Жуткая смерть – быть утопленной, словно несмышленный котенок.

– Довольно, – невообразимо далеко, сквозь звон в ушах, наконец-то донеслось до меня. – Она уже приняла свой истинный облик.

Чьи-то руки невежливо взяли меня под мышки и легко вытащили из бочки. Я зажмурилась от яркого света, который неожиданно вспыхнул в комнате. Надо же, у храмовника и в самом деле неплохо с деньгами, если он может себе позволить магическое освещение.

А еще через миг, когда меркантильные соображения отошли на второй план, нестерпимое чувство стыда затопило все мое существо. Потому как я осознала, что стою абсолютно голая в человеческом облике посередине комнаты в компании двух незнакомых мужчин. Ну, как сказать незнакомых. Одним из этих мужчин был давешний храмовник, ради разнообразия сменивший дорогой камзол на не менее изысканную батистовую рубашку и штаны из плотной ткани. Впрочем, и на этот раз он не забыл нацепить медальон и перевязь с мечом, рукоять которого не выпускал из ладони. Второй же – совсем юный паренек со светлыми, выгоревшими волосами, открыв рот, совершенно непочтительным об-

разом изучал зрелище, которое предстало перед его глазами.

Я, покраснев от негодования и стыда, выдала громкую и чрезвычайно неприличную тираду, поясняющую мое отношение к религии и ее служителям. Вот ведь гады! Взяли и в бочку со святой водой окунули. Мало того что все мои старания насмарку пошли, так еще и полностью обнаженной перед всеми оказалась. Знали, поди, что сия чудотворная жидкость совершенно плачевно сказывается на способностях метаморфов к смене обличий. Грубо говоря, щеголять мне теперь в человеческом теле до тех пор, пока уровень этой водицы в моем организме не упадет ниже критической отметки.

– Рикки, – негромко произнес храмовник, совершенно не отреагировав на мои богохульственные речи, – дай, пожалуйста, нашей милой гостье какую-нибудь одежду. Нам предстоит долгий разговор.

– И не собираюсь даже с тобой разговаривать! – прошипела я, пытаясь сделать вид, будто это для меня самое обычное дело – расхаживать нагишом перед посторонними людьми. – Оставь меня в покое, мерзавец! Мало того что убить пытался, так теперь еще и издеваешься.

– Когда я тебя убить пытался? – совершенно искренне удивился мужчина. – Если бы это было так, ты бы уже давно упокоилась. Я обычно никогда не промахиваюсь, а для мертвой у тебя чрезвычайно скверный характер.

– Забыл, что ли? – раздраженно фыркнула я и вырвала из

рук паренька, смущенно мявшегося неподалеку, простыню. После чего немедленно обмотала ее вокруг себя и уже спокойнее продолжила: — Кто на крыше в меня заклятием кидал? Вот и верь после этого слову храмовника...

— Так это не в тебя! — попытался убедить меня мужчина. — Там, из окна напротив, за нашей схваткой один горожанин, не вовремя проснувшийся, с явным интересом наблюдал. Вот я и решил его из строя вывести, чтобы беседовать не мешал. Кто ж знал, что ты это на свой счет воспримешь.

— Ври больше, — недоверчиво хмыкнула я и кивнула на бочку. — А по поводу этого что скажешь? Утопить решил?

— Скорее помыть, — мягко поправил меня храмовник. — От тебя же смердело так, что я твое приближение за пару миль почувствовал. И потом, намного приятнее общаться с милой девушкой, чем с разъяренной кошкой.

Я невольно покраснела от такого комплимента, но практически сразу же сердито нахмурилась и решительно задрала подбородок, не забыв поправить простыню, едва постыдно не съехавшую ниже допустимого предела.

— Хватит мне зубы заговаривать, храмовник, — прошелестела я. — Давай выясним наши отношения раз и навсегда. Если хочешь сражения, то нападай, не стесняйся.

— Тебе так надоело жить? — с улыбкой поинтересовался он. — Ты ведь сейчас в человеческом облике, следовательно, совершенно уязвима для магии. Мне не составит труда убить тебя.

– Так сделай это! – забывшись, яростно выкрикнула я. Затем опомнилась и закончила более спокойно: – Или боишься, что в кошмарах являться буду?

– Я? – переспросил храмовник и покачал головой. – Я не боюсь. Просто и в самом деле не собираюсь причинять тебе вред. Пока, по крайней мере.

– Вот как? – Я удивилась и задумчиво почесала нос. – Тогда что тебе от меня надо?

– Я навел о тебе справки, Тефна. – При звуке своего имени я подскочила и яростно зашипела, но храмовник, словно не заметив этого, невозмутимо продолжил: – Ты зарабатываешь себе на жизнь тем, что выполняешь несложные поручения запрещенных гильдий. Одно это тянет на два десятка больших прутняков и выселение в необитаемые земли. Конечно, суд, вполне вероятно, примет во внимание твою молодость и то, что ранее ты не была замечена в незаконных поступках. Но когда бургомистр узнает, чьи шаловливые ручонки виновны в периодическом оскорблении его достоинства... Вряд ли в этом случае тебе стоит рассчитывать на благосклонность и беспристрастность судей.

– Ты решил меня запугать? – Я скептически выгнула бровь. – Я уже поняла, что крупно влипла. Что дальше? Поведешь меня к городским властям?

– При первой нашей встрече повел бы, – кивнул храмовник, не сводя с меня пристального и чуть насмешливого взгляда. – Но теперь и не подумаю. Я хочу нанять тебя, Теф-

на.

– Ты, должно быть, шутишь, – фыркнула я. – Служитель бога хочет взять на работу нечисть? С каких это пор?

– Ты не нечисть, а метаморф, – поправил меня он и устало потер лоб. – Я чувствую, что ты не убивала людей. По крайней мере, несколько лет уж точно. И потом, для того дела, что я затеял, твои способности будут как нельзя кстати.

Я тряхнула мокрыми волосами и задумчиво посмотрела на юношу, пытаюсь по его реакции понять, не шутит ли храмовник. Но Рикки, по всей видимости, даже не прислушивался к разговору. Он, затаив дыхание, жадно пожирал меня глазами. Я даже опешила от столь чрезмерного внимания, но сразу поняла, в чем дело. Тонкая ткань простыни прилипла к влажной коже и бесстыдно обрисовывала малейшие выпуклости моего тела. Я рассерженно закашлялась и непроизвольно сжала кулаки, собираясь задать сексуально озабоченному мальцу хорошую взбучку.

– Рикки, – поспешил вмешаться храмовник, вновь непонятным образом угадав мои мысли, – пожалуйста, приготовь мне и моей милой гостье по бокалу горячего вина. А то она совсем замерзла.

Юноша покраснел, словно уличенный в непристойном деле, кивнул и мигом скрылся за дверью. Храмовник проводил его внимательным взглядом, потом тяжело вздохнул и взмахом руки позволил мне наконец-таки сесть.

– Твой ученик слишком неводержан в своих желаниях, –

не преминула я наябедничать, затем нахально выбрала самое мягкое кресло и залезла на него с ногами.

– Он не ученик, – покачал головой храмовник. – Рикки мой сын.

– Не знала, что вам позволяют иметь семьи, – после продолжительного молчания, слегка опешив, произнесла я.

– Сейчас не время для таких разговоров, – предупреждающе поднял руку мужчина и удобно расположился на диване напротив. – Итак, ты принимаешь мое предложение, Тефна?

– Какое? – настороженно переспросила я. – Ты мне еще ничего не предлагал. Я никогда не берусь за работу, прежде не выяснив, в чем ее суть. Так что я внимательно тебя слушаю, храмовник.

– Шерьян, – слабо улыбнувшись, поправил меня собеседник. – Зови меня Шерьян.

Я неопределенно пожала плечами, показывая, что приняла это к сведению.

– Вот и договорились, – правильно истолковал он мое молчание.

В этот момент в комнату как раз вернулся Рикки, неся на подносе два высоких бокала, от которых поднимался ароматный пар с чуть уловимым запахом мяты. Я с сомнением принялась, не спеша пробовать подозрительный напиток. Еще ведь отравят ненароком. С них станется.

Шерьян первым с удовольствием пригубил вино. Мое чутье ничего подозрительного в бокале не обнаружило, поэто-

му я, все еще сомневаясь, осторожно последовала его примеру. Терпкий, хмельной напиток обжег мне губы и легко скользнул внутрь, принеся с собой тепло и спокойствие.

– Продолжай, – немного расслабившись, потребовала я, довольно щурясь. – Для чего ты меня нанимаешь?

Храмовник бросил на меня быстрый взгляд, затем осторожно отставил бокал в сторону.

– Проведи меня к кругу мертвых, – раздалась в комнате негромкие слова.

Зря он это сказал, если честно. Потому как в следующую секунду в его сторону полетел бокал с вином, а я, забыв, в каком облике нахожусь, ногтями разодрала дорогую обивку мебели.

Рикки испуганно всхлипнул и спрятался за спиной отца, который даже не вздрогнул от столь неадекватной реакции. Лишь легким движением брови отвел кинутый бокал в стену, о которую он благополучно и разбился.

– Ни за что, – с трудом выдавила я из горла, перехваченного спазмом. – Ни за какие деньги, храмовник. Иди туда сам.

– Почему? – резко подался вперед Шерьян. – Чего ты боишься? Круг молчит уже долгие годы.

– А ты хочешь, чтобы он заговорил? – прошептала я.

– Нет, что ты. – Шерьян скривил уголки губ в усмешке. – Я... я хочу поговорить с одним человеком, который давно умер.

– Зря, – обронила я. Неторопливо встала, плотнее запахнулась в простыню и отошла к открытому окну, через которое в комнату влетал свежий ветерок и оглушительный стрекот цикад. – Нельзя тревожить прах упокоенных. Они редко это прощают.

– Кому ты рассказываешь! – В отражении стекла я видела, как храмовник жестом приказал сыну выйти. Затем поправил на груди цепь с медальоном, линии рисунка которого складывались огненными чертами в уже знакомую тварь.

– Ты для этого шел к бургомистру? – Я с интересом обернулась к нему. – Хотел, чтобы он дал тебе карты с обозначением нужного места?

– И для этого тоже, – не стал отнекиваться Шерьян. – Но теперь мне не нужно его разрешение. Ты послужишь самым лучшим и надежным проводником. Не мне тебе объяснять, что метаморфы за много миль чуют грань излома миров.

В комнате повисло напряженное молчание. Я, склонив голову набок, с любопытством изучала лицо мужчины. Видно, привык приказывать – от крыльев носа к уголкам губ пролегали властные морщины. В волосах уже проглядывает ранняя седина. А темно-ореховые, с медовым отливом глаза на удивление молодые. Нет-нет да блеснет в них смешинка. Симпатичный, ничего не скажешь. Могу поклясться, вниманием женским не обделен. И что он только позабыл в храме бога-сына?

– Я не поведу тебя, – твердо ответила я. – Ищи другого

метаморфа.

– Ты не оставляешь мне выбора. – Шерьян жестко ухмыльнулся, и я невольно почувствовала, как по коже пробежали мурашки. – В таком случае я сдам тебя властям. И открою им, кем ты являешься на самом деле. Ты ведь знаешь, чем тебе это грозит. Даже смерть послужит меньшим наказанием, нежели то, к чему тебя приговорят.

Я со свистом втянула воздух. Злобно прищурилась и прислушалась к внутренним ощущениям. Нет, не перекинуться, слишком мало времени прошло после купания в святой воде.

– Тефна, – храмовник осторожно шагнул ко мне, – я готов заключить с тобой договор по всем правилам, которые приняты в запрещенных гильдиях. Ты будешь уверена, что я при всем желании просто не смогу тебя предать. И очень хорошо заплачу. Пожалуйста. Это для меня жизненно необходимо.

– Тысяча золотых, – быстро назвала я совсем несусветную цену, лишь бы этот безумец от меня отвязался. За такие деньги можно снять на целый год дом в центре столицы, питаться в лучших заведениях и одеваться у портных королевского двора.

– Идет. – Шерьян с явным облегчением рассмеялся. – Я бы заплатил и вдвое больше.

Я с огорчением хмыкнула – так продешевила! – и только потом до меня дошел смысл его слов. Только что, находясь в здравом уме и твердой памяти, служитель бога нанял нечисть на работу? Похоже, в мире и впрямь происходит

нечто странное, коли такие дела творятся.

– Договор подпишем кровью, – осознав, что рыпаться поздно, будничным тоном произнесла я.

– Что? – насторожился храмовник. – Какой договор?

– О найме! – не выдержав, рывкнула я. – Не душу же я у тебя покупаю, нет у меня полномочий на такие сделки. Нож давай.

– А меч подойдет? – робко поинтересовался Шерьян и неуверенно потянул клинок из ножен.

– По-моему, ты слегка поглупел от радости. – С огромным трудом я сдержала себя и не отшатнулась, когда увидела в руках мужчины серебристое лезвие, покрытое освященными рунами. – Как ты себе это представляешь? Не забывай, что у меня особое отношение к подобным предметам.

– Ох, извини. – Поняв мой намек, храмовник тут же убрал оружие. Приложил палец к губам в шутливом жесте, подкрался к двери, за которой не так давно скрылся Рикки, и резко ее распахнул.

Хлоп – и на полу комнаты с шумом растянулся юнец. По-краснев от смущения, Рикки поднялся на ноги, старательно отводя глаза от моего все же слегка неприличного вида.

– Принеси кинжал, – попросил сына Шерьян, укоризненно покачав головой, но ничего не сказав о том, что подслушивать нехорошо.

Юноша кивнул и стремглав кинулся выполнять поручение. Через пару минут остро наточенное лезвие уже было в

руках храмовника.

– Такое пойдет? – поинтересовался он, оборачиваясь ко мне.

– Вполне, – процедила я. Бросила тоскливый взгляд на улицу. Эх, все же бежать мне надо было из города. Авось мои дела по-другому бы обернулись. Вдохнула в последний раз и подошла к Шерьяну, который торопливо засучил рукав рубашки. – Говори, – приказала я, беря кинжал в ладони.

Рикки мгновенно подобрался, наблюдая за моими действиями с явным недоверием. Переживает за отца-то юнец.

– Я, Шерьян, нанимаю метаморфа по имени Тефна на работу, – послушно забубнил храмовник, словно уже не раз сталкивался с подобным ритуалом. – Обещаю, что ни действием, ни бездействием не причиню ей вреда, но только если прежде она не предаст меня. Оплату обязуюсь произвести до последнего медяка и честно.

– Довольно. – Я примерилась и провела длинную кровавую полосу по запястью мужчины.

Одну долю секунды края пореза оставались чистыми, но потом наполнились темно-багровой густой жидкостью. Я с гримасой отвращения провела пальцем по ране и брезгливо стряхнула каплю чужой крови в пламя свечи, которую чуть ранее зажег Рикки.

Храмовник сразу же отобрал у меня кинжал:

– Твоя очередь.

– Я, Тефна, обязуюсь служить Шерьяну верой и правдой

до тех пор, пока он не нарушит условия договора или пока не истечет срок действия одного, – выпалила я на одном дыхании и отвернулась, когда сталь сверкнула в опасной близости от моей руки.

Через несколько секунд, когда обряд был завершен, Шерьян неожиданно провел легонько ладонью над моим запястьем. По коже пробежала теплая волна, и неглубокая царапина на глазах затянулась.

– А это еще зачем? – ворчливо поинтересовалась я.

– Просто, – пожал плечами Шерьян, – захотелось сделать тебе приятное.

Я даже не нашла, что сказать в ответ. Нет, всеми богами клянусь, по-моему, у моего работодателя не все в порядке с головой!

– Я решил, ты попробуешь мою кровь на вкус, – продолжил тем временем храмовник.

– Вот еще! – фыркнула я. – Больно чести много. И вообще, у меня от крови слугителей бога кишечные колики и несварение желудка!

– Я так и предполагал, – серьезно кивнул он. – Ну что же, Тефна. Рад, что наше знакомство продолжилось столь неожиданным, но полезным для нас обоих образом.

Лично я так не считала, но моего мнения неожиданный клиент и не подумал спрашивать. Интересно, в какую неприятность я на этот раз умудрилась угодить? Поживем – увидим.

Пробуждение было приятным как никогда. Я лежала на чем-то чрезвычайно мягком под огромным пушистым одеялом. Так и хотелось свернуться в клубочек и тихонечко замурлыкать от удовольствия. Хотя подождите-ка... У меня отродясь такой здоровенной кровати не водилось. Она бы просто не влезла в скромный номер, который я снимала у трактирщика.

Эта здравая мысль оказала на меня такое же воздействие, как ведро холодной воды. Я подскочила на месте и судорожно принялась оглядываться по сторонам, пытаюсь сообразить, куда на этот раз меня забросила нелегкая судьбина. И почти сразу же успокоилась, вспомнив, что храмовник вчера из-за весьма позднего часа и моей временной неспособности менять обличия великодушно выделил мне одну из комнат в своем доме. Точнее даже слышать ничего не захотел по поводу того, что я ночью отправлюсь шляться по темным улицам города, одетая лишь в простыню. Наверное, Шерьян мне все же не доверяет, несмотря на заключенный договор. Впрочем, это вполне естественно, если учитывать то, кем являюсь я, а кем он.

Нежиться на постели я могла бы вечность, но все хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Так и в этот раз в самый кульминационный момент сладкого потягивания в

дверь громко постучали.

– Войдите! – неохотно крикнула я, моментально натянув одеяло по самый подбородок. Хватит уже служить бесплатным развлечением, и так вчера вдосталь нагляделись на мои прелести.

В комнату смущенно заглянул Рикки, который привычно покраснел при виде меня.

– Чего надобно? – невежливо спросила я.

– Я принес тебе одежду, – впервые со времени нашего знакомства осмелился заговорить юноша.

Голос, кстати, у него оказался весьма приятным – с неожиданной бархатной хрипотцой. Именно такими интонациями любят очаровывать невинных девиц опытные ловеласы. Мое сердце дрогнуло, немного оттаяв. Всегда питала непонятную страсть к представителям противоположного пола, которых природа наградила голосами, столь волнующими воображение.

– Давай сюда, – справившись с мгновенной слабостью, потребовала я.

Рикки застенчиво улыбнулся и, вместо того чтобы просто бросить на кровать принесенные вещи, сам начал поспешно раздеваться. Я оторопело взидала на это действие, пока наконец юнец не оказался совершенно голым.

– Ты что это делаешь? – сдавленно поинтересовалась я, когда Рикки с недвусмысленной ухмылочкой направился к моему ложу.

Юноша потянулся, разминая мышцы, и скользнул еще на пару шагов ближе. Вот тогда-то и стало понятно, что пора поднимать шум, потому как иначе меня элементарным образом обесчестят.

В следующий момент произошло сразу несколько событий. Во-первых, я попыталась принять вертикальное положение, при этом совершенно забыв об одеяле, которым ранее обмоталась с ног до головы. Естественно, запуталась в нем и с грохотом упала на пол. Сверху на меня мягко приземлился озабоченный юнец, который с рычанием, призванным изображать животную страсть, принялся сдирать с меня последнюю защиту в виде несчастного покрывала.

– Отвали, урод! – яростно шипела я, пытаюсь скинуть с себя сына храмовника. – Иначе глаза выцарапаю!

– Иди ко мне, кисочка моя, – не обращая ни малейшего внимания на мои грязные ругательства, сюсюкал тем временем Рикки, медленно, но неотвратимо стаскивая с меня одеяло.

– На помощь! – наконец справившись со спазмом в горле, заверещала я изо всех сил, поняв, что юнец настроен весьма и весьма серьезно. – Пожар! Горим!

– Почему «пожар»? – удивился юноша и немного уменьшил свой напор.

– Потому как иначе никто и не подумает даже из окна выглянуть, – пояснила я выстраданную житейскую мудрость и, поднапрягшись, все же скинула Рикки с себя.

Правда, тот сразу же пошел в новую атаку, но его ожидал неприятный сюрприз. Мне наконец-таки удалось выбраться из мягких пут, и я легко вскочила на ноги. Ощерилась в страшной ухмылке, выставила перед собой растопыренные пятерни с острыми когтями, но пока не торопилась принимать кошачий облик. Своими силами юнцу наkostenю. К тому же я себя знаю. Разъярюсь сейчас как следует, оторву ему невзначай один жизненно необходимый орган, а храмовник из моей шкурки потом коврик для ног в прихожую делает.

– Что тут происходит? – прервал нашу битву недовольный голос Шерьяна.

Как всегда, вспомни мага – он и появится. Шерьян стоял на пороге, с явным неудовольствием оглядывая сцену побоища. Представляю, что за зрелище предстало перед ним. Интересно, уж не решит ли он, что я пыталась соблазнить его драгоценнейшего сыночка? А то стою голая напротив столь же не одетого юнца, кровать разгромлена, перья из подушек по всей спальне летают.

– Твой сын – сволочь! – выпалила я на одном дыхании и мигом завернулась в уже порядком поднадоевшую простыню.

Шерьян, несколько не удивившись этому заявлению, как-то устало вздохнул и грустно посмотрел на сына.

– Я не хотел, – прошептал тот, пытаясь не сгореть от стыда. – Но она на меня так смотрела...

– Как?! – Я подскочила на месте от возмущения. – Ты чего мелешь? Набросился на меня без спроса, а теперь еще хочешь виноватой выставить?

– Тефна, успокойся, – негромко осадил меня храмовник.

– Что?! – Я разъяренной фурией обернулась к нему. – Это я еще и успокаиваться должна? Может, скажешь, что я сама все это устроила? Иди тогда ты вместе со всем своим семейством на все четыре стороны. Мне такие проблемы не нужны! Даже орки себя более вежливо с наемной силой ведут.

– Но она и в самом деле не против была, – пробормотал себе под нос Рикки. – Я ведь это по ее глазам видел. Таким алчущим, призывным.

Я почувствовала, что еще немного и просто взорвусь от негодования. Хотелось выть, рычать от ярости и в кровь расцарапать лицо негодному мальчишке.

– Не смей! – ледяным тоном обронил Шерьян.

Я искоса взглянула на него. Хорош храмовник, ничего не скажешь. Конечно, родители всегда прикроют грехи детей. Вопрос только – стоит ли отправляться в длительное путешествие, если рядом будет настолько неуравновешенный юнец? Не легче ли сразу же разорвать договор и, уповая на собственную везучесть и зеркальные чары, бежать подальше от столь странной семейки?

Шерьян тяжело вздохнул и переступил порог, тщательно засучивая рукава белоснежной рубашки. Я исподлобья наблюдала за его действиями, приготовившись к самому худ-

шему.

– Рикки, подожди нас в гостиной, – непрекаемым тоном приказал храмовник, даже не посмотрев в сторону сына.

Юноша вскинулся было что-то возразить, но сник и послушно вышел из комнаты, впрочем, не забыв прихватить свою одежду.

Я сжала кулаки, не замечая, что ногти до крови впились в кожу. Воздух между мной и Шерьяном, казалось, звенел от напряжения. Так всегда бывает перед смертельной схваткой.

Храмовник не торопился прервать затянувшуюся паузу. Молчала и я, с тоской раздумывая над тем, что слишком молода для смерти.

– Я хотел извиниться перед тобой, – наконец негромко произнес Шерьян.

– Вот как? – Я с показным удивлением изогнула бровь. – За что, интересно?

– За поведение моего сына, – с некоторым усилием ответил он. – Знаю, ты сейчас несколько обижена на него...

– Обижена? – не утерпев, перебила его я. – Не обижена, храмовник. Я очень и очень зла. Безумно зла. Еще ни один человек не смел обращаться со мной так. Словно с женщиной, которая дарит свои ласки за деньги.

– Я понимаю, – в голосе Шерьяна не было и тени насмешки, – поэтому и прошу прощения за эту сцену. Обещаю, подобного больше не повторится.

– Конечно, – кивнула я. – Потому что ярываю наш

договор.

И тут же осеклась, поскольку храмовник бросил на меня предупреждающий взгляд. В его медово-карих глазах бушевало темное пламя бешенства. Но, странное дело, я понимала, что гнев мужчины был сейчас направлен не на меня.

– Не начинай, – глухо предупредил меня Шерьян. – Ты же знаешь, что я не позволю тебе этого. Не будем повторять ночной разговор. Я не люблю, если честно, угрожать.

– А я не люблю, когда меня втравливают неизвестно во что, – с вызовом отозвалась я. – И требую объяснений. Я не вчера родилась, храмовник, и кое-что понимаю в поступках людей. Что творится с твоим сыном? Только не заливай, что подобное поведение – обычное для него дело. Все равно не поверю.

Целую минуту после моих слов Шерьян колебался. Я видела, что он почти готов рассказать мне правду, но в последний миг храмовник передумал.

– Нет, – качнул он головой. – Не могу. Не сейчас, по крайней мере. Но я клянусь тебе, что в нашем путешествии твоей чести ничто не будет угрожать. С моей стороны было ошибкой отправлять Рикки в комнату без присмотра. Больше я таких промахов не допущу.

– Хотелось бы верить, – фыркнула я. И отвернулась к окну, показывая, что больше разговаривать нам не о чем.

Во дворе царило раннее ласковое утро – птички пели, солнышко светило, только эта картина не помогала отвлечься от

дурных мыслей.

– Одевайся, Теофа, – устало попросил меня Шерьян. – Я постарался подобрать тебе то, что придется впору. А потом выходи в гостиную. Позавтракаем – и в путь.

– Не так быстро, храмовник, – буркнула я. – У меня в этом городе много друзей, которые будут волноваться, если я внезапно исчезну.

– Исключено, – отрезал Шерьян. – Я и так потерял слишком много времени, чтобы проводить еще один день в бесцельных визитах.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения. Просто ставлю в известность.

Храмовник промолчал. Жаль, что у меня нет глаз на затылке. С удовольствием полюбовалась бы сейчас на его обескураженную физиономию. Но повернуться к нему лицом – значит, признать в чем-то свое поражение и слабость.

Через некоторое время, заинтригованная таинственной тишиной в комнате, я все же рискнула бросить осторожный взгляд за спину. И тут меня ожидало очередное жестокое разочарование. Поскольку Шерьяна там не было. Этот мерзавец просто-напросто бесшумно удалился, даже не позаботившись известить меня о своем уходе! Ну и кто он после этого?

Бормоча себе под нос самые замысловатые ругательства, которые только могла придумать, я быстро осмотрела то, что принес Рикки. Выбор одежды удручал. Штаны оказались на-

столько велики, что туда могла бы влезть еще одна такая же по размерам девушка. Рубашка едва сходилась на груди, а кожаный жилет болтался, словно на жердине. При всем при этом нижнее белье неожиданно порадовало своей изысканностью. Вот к этому столь необходимому предмету туалета у меня никаких претензий не было. Но общего бедственного положения дел подобная малость не исправила. Стоит ли говорить, что в гостиную я вышла в отнюдь не радостном настроении.

За обеденным столом уже маялся в полном одиночестве Рикки. При виде меня он зарделся, словно девица, впервые узнавшая, что детей приносит не аист, но все же нашел в себе мужество приветливо кивнуть.

– Даже не пытайся, – предупредила я его возможные попытки начать разговор.

После чего уселась на стул и начала мрачно испепелять взглядом тарелку с внушительной порцией омлета. Но потом, поняв, что таким образом вряд ли насыщусь, и соблазненная умопомрачительным ароматом, все же взяла вилку и принялась быстро уничтожать свою порцию.

Не отставал от меня и Рикки. Я удивленно хмыкнула, когда увидела, с каким аппетитом он разделяется со здоровенным бифштеком. Нет, все понимаю, но так наедаться на завтрак? Кажись, с этим мальчуганом и в самом деле творится что-то неладное.

К сожалению, стоило признать, что загадочное поведение

Рикки вряд ли станет понятным в ближайшее время. Уже больно серьезно был настроен храмовник в отношении сохранения чести семьи. Ладно, путешествие предстоит не однократное, авось что-нибудь и всплывет по ходу.

Шерьян появился в комнате, лишь когда я в полном молчании допивала остывший травяной отвар, не забывая при этом буравить испорченного юнца злобным взглядом. Тот старательно делал вид, будто между нами ничего не произошло, – мечтательно глядел в окно, легкомысленно болтал ногой и вообще строил из себя невинное дитя. Ох, будь моя воля, все же напастыляла бы ему от души, чтобы на будущее запомнил: у некоторых девушек весьма острые коготки и зубки имеются, которые они без сомнений в ход пускают, когда их пытаются погладить против шерсти.

– Вы уже поели? – прервал мои кровожадные мысли храмовник, неторопливо входя в комнату. – Прекрасно, тогда через полчаса в путь.

– Имеются существенные возражения, – фыркнула я и встала напротив мужчины, уперев руки в бока. Пусть не думает, что ему удалось нехитрой уловкой ссоры избежать.

– Какие же?

На миг мне стало даже жалко Шерьяна – настолько обреченно прозвучал его вопрос. Но только на миг. Я жестоко ухмыльнулась и небрежным жестом провела по себе ладонью, предлагая полюбоваться, во что мне пришлось обрядиться. Позади сдавленно выдохнул Рикки и, пробормотав

неразборчивые извинения, вылетел из гостиной со всей возможной скоростью. Да, трудно мне придется рядом со столь горячим юношей.

– Я не понимаю, – пожал плечами Шерьян. – Говори прямо, что тебя не устраивает. Знаешь ли, никогда не был силен в пантомиме.

– Я не могу ехать в путешествие в таком виде, – спокойно произнесла я, решив не взрываться от возмущения по пустякам. – Штаны и жилет слишком велики, рубашка мала – того и гляди по швам разойдется. Хотя, наверное, твоего сынка подобный исход дела весьма порадует.

– Я бы не хотел, чтобы ты говорила о Рикки в таком пренебрежительном тоне, – зло сощурился храмовник. И тут же продолжил, не давая мне опомниться после столь наглого заявления: – Извини, но лучшего я тебе все равно предложить не в состоянии.

– И не надо мне предлагать, – качнула я головой. – Заедем в трактир, где я быстренько соберу сумку со всем необходимым. И даже к друзьям по дороге не забегу, авось привыкли к моим неожиданным исчезновениям. Только не начинай заново песню о том, что надо спешить. Гарантирую, мы потеряем намного больше времени, если я поведу тебя кружным путем. Нарушением договора это не будет.

Зря я это сказала, если честно. Потому как через миг мне захотелось превратиться в маленькую-маленькую мышку и очень быстро где-нибудь спрятаться – настолько страшно

стало. Нет, Шерьян не воспользовался магией, и даже угрожать не стал. Просто скрестил на груди руки и с весьма нехорошим выражением лица на меня внимательно посмотрел. Словно запоминая, как я выгляжу, чтобы после моей мучительной гибели было легче вести подсчеты нечисти, загубленной им лично.

Я выпрямилась, гордо задрала подбородок и постаралась ответить храмовнику столь же жутким взглядом. В конце концов, кто из нас двоих относится к слугам бога-отступника?!

Шерьян усмехнулся и сделал шаг ко мне. Я стиснула зубы, борясь с постыдным желанием задать драпака и готовясь на всякий случай к превращению. В кончиках пальцев пульсировала боль от когтей, готовых появиться в любой момент. Терпеть не могу находиться в пограничном состоянии – когда ты еще человек, но зверь внутри уже оскалил клыки в предвкушении свободы. Слишком много энергии уходит на сдерживание второй ипостаси.

– Хорошо, – неожиданно, спустя, казалось, вечность, милостиво склонил голову храмовник. – Если ты так настаиваешь, то я доставлю тебе это удовольствие. Только, уж извини, лично буду сопровождать тебя.

– Все еще не доверяешь? – немного расслабилась я и тут же продолжила, не дожидаясь очевидного ответа: – А пугать обязательно было?

– Я не пугал, – хмыкнул Шерьян. – Просто пытался те-

бя переубедить. Можно было бы прибегнуть к другим, более действенным способам, но мне показалось это неразумным. Это ведь не такой уж принципиальный вопрос, чтобы до конца настаивать на своем.

– Да уж, – пробормотала я, не рискнув уточнить, что он понимает под другими способами.

– Если все решено, то не будем задерживаться. – Храмовник улыбнулся и подал мне руку. – Рикки без нас соберет провиант в дорогу. Надеюсь, мы обернемся достаточно быстро.

– Постараюсь. – После небольшого внутреннего колебания я все же осторожно вложила руку в протянутую ладонь Шерьяна. К моему удивлению, после этого ничего не произошло – с небес не упала карающая молния, даже гром не ударил как далекий отзвук божьей немилости.

Прохладные пальцы мужчины крепко обхватили мое запястье и тут же разжались.

– Мир? – после столь оригинального рукопожатия негромко спросил Шерьян и почтительно взял меня под локоть. – Поспешим. Времени и в самом деле немного.

Оказалось, что это на удивление приятное для поднятия самооценки занятие – прогуливаться по городу рядом со столь представительным мужчиной. Прохожие почтительно расступались, едва замечали на шее храмовника серебряный медальон, размерами напоминающий небольшое блюдце. Но

Шерьян не обращал ни малейшего внимания на впечатление, которое он производил на окружающих. Он быстро шагал, небрежными кивками иногда отвечая на поклоны каких-то весьма сомнительных личностей, более напоминающих разбойников с большой дороги. Я, пытаясь поспеть за столь нетерпеливым спутником, почти бежала.

– Подожди, – наконец, запыхавшись, взмолилась я, чувствуя, как в левом боку пульсирует острая, стреляющая боль. – Ты меня совсем уморил.

Храмовник раздраженно фыркнул, но послушно остановился. Я же тем временем прислонилась спиной к стене дома, ухоженный и чистый фасад которого не внушал опасений, что в самый неожиданный момент тебя обольют с верхнего этажа помоями.

– Какая-то мне совсем изнеженная нечисть попалась, – неодобрительно заметил Шерьян, без малейшего сочувствия наблюдая, как я жадно ловлю ртом воздух, пытаясь отдышаться.

– Вообще-то на большие расстояния принято брать какие-нибудь средства передвижения, – огрызнулась я и, размечтавшись, добавила: – Карету, к примеру. Или ты предпочел бы, чтобы я распугивала горожан своей другой ипостасью? Знаешь ли, в облике кошки намного сподручнее бегать по узким улочкам.

– Тише! – испуганно шикнул на меня храмовник, насто-роженно оглядываясь по сторонам.

– Да нет тут никого, – усмехнулась я, на всякий случай еще раз приняхавшись. – Я бы почуяла.

– Ты слишком доверяешь своим звериным чувствам, – неодобрительно покачал головой Шерьян, небрежным жестом вытирая со лба испарину, которая выступила после слегка утомительной прогулки. – Меня ведь с Рикки ты не можешь ощущать на расстоянии.

– Это все твои магические штучки, – отмахнулась я. – Остальным они не подвластны.

Шерьян как-то странно усмехнулся, хотел было возразить, но передумал.

– Отдохнула? – вместо этого спросил он. – Тогда вперед. Я покорно кивнула и поплелась за ним, с неохотой переставляя ноги.

Несмотря на раннее утро, в городе уже стояла удушающая жара. Небо угрожающе синело, предвещая еще один невыносимо долгий день. В узких каменных лабиринтах висело марево влажной, невыносимой духоты. Ни ветерка. Лишь мертво провисли на крышах полотна сохнущего белья.

Понятное дело, к тому моменту, когда мы добрались до места, где вчера прошло мое превращение, выглядела я хуже мокрой мыши. На рубашке расплывались неаккуратные пятна пота, челка прилипла ко лбу и настойчиво лезла в глаза. Однако Шерьян таких неудобств не испытывал. Он все так же щеголял свежим видом, словно только-только принял

прохладную ванну, а не пробирался через изнывающий от солнечного зноя город.

Я с завистью посмотрела на спутника и, невольно задержав дыхание, спустилась к тому месту, где не так давно валялась в крови и внутренностях. Сейчас над этим местом стояло навязчивое жужжание наглых зеленых мух и витал весьма неаппетитный запах, который ощутимо усилился за прошедшие с ночи часы.

Платье и пергамент оказались именно там, где я их оставила. Шерьян скользнул равнодушным взглядом по скомканному наряду, но внезапно заинтересовался скромным пожелтевшим листочком, который совсем некстати случайно выпал из моих рук.

– Не трожь! – прошипела я, пытаюсь подобрать пергамент быстрее мужчины.

Не получилось. Храмовник ловко выхватил свиток прямо из моих рук.

– Что это? – удивленно спросил он, сличая изображение зубастой твари с гравировкой на своем медальоне.

– Надо же мне было узнать, с кем дело предстояло иметь, – неопределенно пожала я плечами. – Вот один знакомый и помог.

– Интересные у тебя приятели, – задумчиво протянул Шерьян. – За такие сведения вообще-то не так давно головы лишали. Как за разглашение внутренних дел храма.

– Ой да ладно, – легкомысленно отмахнулась я. – Тоже

мне секрет. Ну есть у вас свои воины. Подумаешь. Не все же народ одной силой слова убеждать. Иногда и к оружию прибегнуть надо. Тем более с нечистой никто и никогда не церемонился.

Храмовник промолчал. Просто с яростью скомкал листок и отшвырнул его в сторону. А уже через миг маленькая вспышка огня полностью уничтожила творение неизвестного художника.

– Дурная у тебя привычка – чужими вещами с такой легкостью распоряжаться. – Я с сожалением посмотрела на кучку пепла, которая осталась от подарка Аджая.

– Скажи спасибо, что я не спрашиваю, от кого именно ты получила это изображение, – хмыкнул Шерьян. – Потому как по всем правилам я должен был бы весьма сурово наказывать болтуна.

У меня язык чесался высказать этому выскочке все, что думаю о его на редкость самоуверенной и неприятной манере разговаривать, непринужденно разнообразя беседу недвусмысленными намеками и угрозами. Но я сдержалась, просто раздраженно передернула плечами и первой пошла по тропинке.

До трактира мы добрались без особых приключений. Хозяин питейного заведения весьма обрадовался, увидев меня. Неудивительно, сегодня же пятница, а плату за неделю я должна была внести еще вчера.

– Драгоценнейшая, – витиевато начал он, грозно упирая

руки в бока.

Я испуганно втянула голову в плечи. Кажись, на этот раз скандала не избежать.

– Кир, – смущенно промямлила я, старательно отводя взгляд от полного, страдающего одышкой трактирщика, – слушай, не будь занудой. Ну припозднилась немного с оплатой. Сейчас только к себе поднимусь и сразу деньги отдам.

– Мне надоело все это! – взревел, словно разъяренный бык, Кир, вытирая со лба пот грязным, засаленным полотенцем. – Почему я должен переживать по пустякам? У нас был уговор: пять серебряников каждый четверг без учета еды. И то пожалел я тебя, более чем на треть аренду сбавил, как постоянной клиентке. Кто ж знал, что от тебя больше проблем, чем от пьяных гномов, отмечающих выгодный заказ? Появляешься под утро, днями и ночами шляешься неизвестно где. Вчера в платье уходила, сегодня в мужской одежде пришла, причем явно с чужого плеча. Слушай, мне проблемы с городской стражей не нужны. Если чем незаконным подрабатываешь, то изволь десять процентов охраняющей гильдии платить. Я хочу быть уверенным, что ты на хвосте никакую облаву не притащишь.

Я молчала, уставившись в пол и чувствуя, как щеки у меня начинают полыхать от негодования. Впервые в жизни меня отчитывали как несмышленную девчонку. Что самое обидное – все это происходило на глазах у храмовника. То-то он веселится сейчас, наверное.

– Ну, чего притихла?! – вызверился еще пуще Кир и больно схватил меня за руку. – Или сейчас же выкладывай сотню серебряников как начальный взнос на полгода для гильдии, которая нас от стражников бережет, или собирай манатки и выметайся на все четыре стороны. Впрочем, если денег нет, то одно предложение имеется...

Тут трактирщик выдержал драматическую паузу, затем вкрадчиво зашептал мне на ухо, не обращая внимания на то, что я поморщилась от его тяжелого чесночного дыхания.

– Тут Хилли приходила из гильдии веселых вдовушек. Она уже давно на тебя глаз положила. Ты деваха симпатичная, спросом пользоваться будешь. Глядишь, через год-другой на золоте есть начнешь да в бархат одеваться. Да и мне кое-какой медяк перепадет, если я тебя уговорить помогу. Ну?

«На редкость неудачно день начался, – с тоской подумала я. – Звезды, что ли, в насмешку крестом над головой встали? То юнец озабоченный, то от гильдий неприличные предложения... Врезать бы этому хаму как следует, да нельзя. Некогда сейчас новое жилье искать. А сотню серебряников я так быстро не отыщу. Конечно, к вечеру-то раздобуду, только храмовник вряд ли согласится до ночи в городе задержаться».

Трактирщик же тем временем, ошибочно приняв мое молчание за согласие, довольно ухмыльнулся и совсем было вознамерился на правах первого клиента пошупать пред-

ложенный товар. То есть потянул свои загибающие ручки к моему стройному и прекрасному телу. Хотя на самом деле оно сейчас было потным и совсем не настроенным на флирт. Я взвизгнула, словно добропорядочная мать семейства, впервые услышавшая неприличнейший анекдот в исполнении орка, и с размаха залепила ему пощечину, в последний момент благоразумно сдержав ярость своей звериной натуры.

– За что?! – взвыл хозяин заведения, держась за щеку и глядя на меня выпученными глазами.

– За то, – твердо ответила я. – Арендную плату за месяц вперед внесу, а гильдиям передай – пусть идут со своими предложениями куда подальше. Кстати, Хилли мне еще десять серебряников должна за известные ей художества.

– Ну знаешь ли!.. – Трактирщик задохнулся от возмущения и грузно осел на низкий колченогий стул. – Меня твои темные делишки мало интересуют. Или плати полторы сотни серебряников, или лети, птичка, ищи другой уголок.

– Только что ведь была сотня! – возмутилась я, до глубины души пораженная таким быстрым ростом цен.

– А нечего руки распускать, – обиженно отозвался Кир, потирая щеку, на которой еще виднелся отчетливый след моей пятерни. – Если бы не кочевряжилась, так и быть, пару монет уступил бы. Авось от вашего бабского племени не убудет, если иногда небольшие шалости позволять станете.

– Да иди ты! – от души посоветовала я, пытаясь судорожно

сообразить, где взять такую бешеную сумму.

А еще этот храмовник с его наймом. Если бы не договор – даже препираться с трактирщиком не стала бы. В городе полно заведений, в которых хозяева за достойную плату смотрят сквозь пальцы на чудачества постояльцев. Кстати, чего это Шерьян притих? Уж не задумал ли чего дурного?

Кир от милого пожелания дальней дороги побагровел еще сильнее, хотя это казалось почти невозможным, затем вновь вцепился в мою многострадальную руку. Я едва не взвыла от неожиданности и огорчения – ну точно же синяки оставит! – и всерьез вознамерилась расквасить трактирщику нос. Все равно новое жилье, по всей видимости, искать придется. Так почему не уйти, громко хлопнув дверью напоследок?

– Уважаемый. – (Спокойный голос за спиной остановил мой благородный порыв накостылять мерзкому кровопийце и душегубу.) – Мне кажется, вы делаете девушке больно.

– Тебя не касается, – прошипел Кир и мстительно еще сильнее сжал пальцы.

– Неужели? – холодно поинтересовался Шерьян и встал рядом со мной так, чтобы солнечный свет падал на медальон.

Я с облегчением выдохнула, когда трактирщик торопливо убрал руку.

– Так-то лучше, – одобрительно заметил храмовник, с любопытством наблюдая, как стоящий напротив него мужчина стремительно бледнеет.

Я в удивлении почесала нос. Кажется, у этого медальона

имеется еще какое-то значение, которое мне пока неизвестно. Иначе почему Шерьяна так боятся окружающие? Неужто все население Мейчара поголовно состоит из упырей, вурдалаков и прочей нечисти?

– Простите, милостивый государь, – залез безил Кир, порывисто вскочив со стула и согнувшись в подобострастном поклоне. – Просто эта недостойная особа задолжала мне весьма крупную сумму. Вот и я вспылil немного.

– Ничего себе! – не утерпев, прервала я его оправдания. – Я тебе должна только пять серебряников за прошедшую неделю. Нечего привирать! Другое дело, что ты угрожать начал, деньги выколачивать.

– Тефна! – укоризненно осадил меня храмовник. – Не вмешивайся, пожалуйста, когда мужчины разговаривают о деле.

Я застыла, совсем позабыв закрыть рот. И как прикажете реагировать на такое заявление? Кроме как самодурством и притеснением женского пола это не назовешь.

– Правильно, сударь, – угодливо захихикал трактирщик. – Я всегда считал, что негоже бабам без мужей по городу шляться. Обязательно в какую-нибудь историю угодят. Пусть дома сидят да детей рoстят. Все равно ничего путного от них не дождешься.

Я наконец-то закрыла рот и издала сдавленное хриплое рычание. Киру все же удалось всерьез вывести меня из себя. Кажется, сейчас в этой комнате одним представителем муж-

ского пола станет меньше.

– Тефна, иди наверх. – Шерьян мягко обнял меня за плечи, не давая разразиться гневной тирадой. Затем развернул по направлению к лестнице и осязательно подтолкнул вперед. – Нам действительно некогда. Собирай вещи, а я пока поговорю с этим столь разумным и благочестивым человеком.

Разумный и благочестивый человек в лице мерзкого упыря и скряги Кира расцвел от незамысловатого комплимента, будто девица, получившая предложение руки и сердца от заезжего принца на белом коне. А я немного успокоилась, уловив в голосе храмовника плохо скрытую усмешку. По всей видимости, трактирщик сейчас получит хороший урок. Пусть на собственной шкуре ощутит, что под внешностью прекрасного принца зачастую обычный забулдыга и любитель распускать руки скрывается. Впрочем, что-то меня совсем не в ту степь понесло.

Я вихрем взлетела по крутой скрипучей лесенке и вприпрыжку вбежала в свой номер, где сразу же метнулась к рукомойнику и торопливо смыла с лица и шеи пыль и пот. От прохладной воды сразу же полегчало, даже мыслительные способности вернулись. По крайней мере, я сообразила, что перед переодеванием стоит запереться. А то знаю я этих мужчин – без разницы, каким богам они служат и служат ли вообще. Все равно умудряются в самый неподходящий момент в комнату вломиться, совсем позабыв о необходимости предварительно постучать.

С усилием задвинув засов, я быстро разделась и с головой зарылась в свои многочисленные наряды, выбирая более-менее приличное одеяние для поездки. Не в узком же платье с разрезом до бедра мне в походе щеголять.

Спустя некоторое время я облачилась в штаны из плотной, но легкой материи, сверху накинула просторную рубашку и с усилием застегнула приталенную кожаную жилетку. Надо же, как я, однако, в боках раздалась. А все дурная привычка перед выходом на мало-мальски серьезное дело сладкие пончики в немереном количестве поглощать.

Немного повздыхав горестно после такого неприятного открытия, я быстро побросала в дорожную сумку смену белья, несколько теплых вещей и кучу мелочей, без которых не мыслит жизни любая уважающая себя девушка. После чего в последний раз скорчила зверскую рожу своему отражению и, с усилием закинув увесистую ношу на плечо, поспешила вниз, в глубине души предвкушая увидеть поверженного трактирщика.

Тем большим было мое разочарование, когда еще с лестницы я услышала громкий жизнерадостный гогот Кира. Иногда он затихал, тогда до меня доносился вкрадчивый голос Шерьяна, который произносил несколько слов, и вновь все перекрывал искренний смех трактирщика.

По-моему, любопытство родилось раньше меня. Поэтому я замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, пытаясь понять, о чем или о ком идет речь.

– Тэфна, – сразу же раздался оклик храмовника, – я знаю, что ты уже закончила сборы. Выходи быстрее!

Я тихонько ругнулась. Чем дальше, тем мне все сильнее не нравятся непонятные особенности поведения работодателя. По самым скромным представлениям выходило, что чутье у него развито намного лучше, чем у любого другого человека. И потом, не оставляло меня нехорошее подозрение, что иногда мужчина не гнушался просто-напросто прочесть мои мысли. Эх, чего уж жаловаться. Знала ведь, на что шла, когда договор с храмовником заключала.

Пришлось принять как можно более невозмутимый вид и гордо выйти в зал. Увиденное там неприятно поразило меня. Начнем с того, что Кир оставался живым и здоровым. То есть Шерьян никаким образом не вступился за мою честь, на что я втайне, если говорить совсем уж откровенно, надеялась. Более того, храмовник сейчас сидел чуть ли не в обнимку с мерзавцем трактирщиком, а перед ними стояла початая бутылка дорогого и весьма редкого вина, которое хозяин заведения хранил как зеницу ока.

– А вот и наша красавица! – пьяно улыбнулся при виде меня Кир. – Иди сюда, драгоценная. Мы как раз о тебе разговариваем.

Я растерянно кашлянула, не зная, как отреагировать на такое признание. Значит, Шерьян времени зря не терял и решил втихаря порасспрашивать обо мне. Ну-ну, интересно, много ли разузнал?

– Кир расхваливал тебя на все лады, – совершенно трезвым голосом произнес храмовник, умело подливая трактирщику еще вина. – Сетовал, что такая умница без мужского внимания чахнет.

– Да-да-да, – перебил трактирщик Шерьяна. Одним махом опустошил стакан, зажмурился, с блаженным выражением на лице прислушиваясь к происходящему у себя в животе, и продолжил: – Девка ты молодая, здоровая. Детишек много нарожаешь. Да и срок уже твой проходит. Вы, бабы, товар хоть и дорогой, но быстро портящийся. Через год-другой располнеешь, подурнеешь, кто ж тебя замуж возьмет? Да еще с твоим склочным характером. Так что не сумлевайся даже – иди за него замуж! Я бы и сам на тебе женился, будь помоложе. Но уж больно в тебе дурости много – выбивать замучаешься.

Я горестно возвела глаза к закоптелому потолку. Нет, сегодняшней день меня явно задумал погубить в самом расцвете сил. Вот зачем мне муж, скажите, пожалуйста? Чтобы мной командовал, деньги, заработанные непосильным трудом, отнимал да по ночам бегать в облике кошки запрещал? Зачем вообще мужчина в доме нужен? Совершенно бесполезный предмет – только место зря занимает и ночью храпит. Спасибо, мне и одной неплохо живется.

Шерьян поднял голову и с усмешкой взглянул на меня, словно услышав мои мысленные гневные рассуждения. Потом, пользуясь тем, что Кир как раз присосался к бутыл-

ке, допивая последние капли алкогольного пойла, с таинственным видом приложил к губам палец, призывая к спокойствию. Я раздраженно фыркнула. Да молчу, молчу, потому как знаю: если начну говорить, то уже вряд ли остановлюсь. Все накипевшее этим замшелым сторонникам домо строя выскажу, и далеко не факт, что цензурно.

– Так что? – негромко спросил храмовник, дождавшись, когда трактирщик наконец-то обратит на него внимание. – Придержите комнату для Тэфны? Пока она уладит все дела, связанные с замужеством.

– Без проблем! – важно кивнул Кир. – Нет, задаток-то, конечно, за пару месяцев стребую, куда уж без этого. А с гильдиями сам поговорю. Коли ручаетесь, что она ничем незаконным не будет больше заниматься...

– Слово храмовника, – быстро отозвался Шерьян, при этом не забыв сложить за спиной пальцы особым образом.

Я лишь понимающе хмыкнула при виде знакомой фиги. Как же, прекрасно знаем эти ваши обряды, которые клятву в пустой звук превращают.

– Тогда по рукам! – радостно воскликнул трактирщик. – Давно уже хотел от этой девицы избавиться. Сами понимаете – одинокая, молодая, симпатичная. А у меня наемники постоянно ошиваются. Для них же слова «нет» просто не существует. Все ждал, что рано или поздно, но какая-нибудь неприятность точно случится.

Я кивнула, подтверждая размышления Кира. Конечно, на-

емники отказов не принимают. Дело только в том, что у меня давно были весьма дружеские отношения с главой их гильдии. И как свидетельство этого на редкость выгодного знакомства – охраняющий знак, при виде которого любой разгоряченный выпивкой мужчина сразу же трезвел, смиренно извинялся и с быстротой молнии исчезал в неизвестном направлении.

– Сколько в итоге возьмешь? – хмуро спросила я, поняв, что храмовник за меня расплачиваться не собирается.

– Сейчас подсчитаю. – Кир с трудом встал со своего места и, покачиваясь, отправился к столу, за которым обычно производил расчеты. – Пять серебряников за прошлую неделю, да аванс на два месяца, да серебрушка за просрочку. Итого – десять монет.

«Чего?» – едва не удивилась я в голос. Нет, Кир всегда готов был приврать, но – не себе в обиду. А хорошо считать в уме он мог в любом состоянии. Хоть мертвецки пьяный, лежа под столом.

– Спокойно, – предугадав мой вопрос, тихо шепнул незаметно подошедший храмовник и легонько сжал мой локоть. – Все в порядке. Плати, сколько он сказал, и идем уже отсюда.

Я с сомнением покосилась на Шерьяна. Оказывается, у него масса достоинств, весьма полезных в наших темных делах. Эх, жаль, что он слугитель бога, иначе бы в напарники взяла.

Кир благодушно смотрел, как я с болью в сердце и слезами на глазах отсчитываю требуемую сумму. Затем небрежно смахнул маленькую кучку монет в ящик стола, даже не удосужившись проверить. Точно, околдовал его храмовник. Такого отродясь не бывало.

– Доброй дороги! – настигло нас около самого порога напутствие трактирщика. – Надеюсь, ваше путешествие не затянется сверх уплаченного времени.

Вот тогда-то меня в первый раз посетило неясное дурное предчувствие. Будто кто-то неосторожно взял фальшивый аккорд, который неприятно резанул по ушам. Ох, во что-то неладное я влезла. Моя интуиция меня никогда не обманывала. Зря, что ли, до ста лет дожила и даже хвоста не лишилась по глупости или недомыслию.

* * *

Как я и предполагала, Шерьян даже не предложил мне помочь донести дорожную сумку. Я пыхтела под тяжестью ноши, обливалась потом и буравила спину храмовника злобным взглядом, пытаясь поспеть за быстрым шагом моего работодателя. Долго так продолжаться не могло. Когда перед глазами замельтешили черные мушки, я поняла, что еще немного – и просто-напросто свалюсь в обморок от теплового и солнечного удара. Поэтому присмотрела себе симпатичную тень от аккуратного двухэтажного домика, где и остано-

вилась, даже не подумав окликнуть Шерьяна. Тот пробежал по инерции почти половину улочки, затем заподозрил неладное и оглянулся. Я гордо восседала на своей сумке и вальяжно обмахивалась рукой, старательно делая вид, будто не понимаю, почему мужчина вдруг покраснел от возмущения. И вообще – не имею никакого отношения к этому странному типу, который выбрал для прогулки самое жаркое время суток.

– Тефна, – прошелестел храмовник голосом, до неузнаваемости измененным бешенством.

– Шерьян? – Я с показным изумлением подняла брови. – Что-то случилось?

– Вообще-то да. – Осознав, что я не собираюсь покидать своего места, он с сожалением сделал несколько шагов назад. – Если ты забыла, то напомним: мы очень спешим.

– Правда? – еще сильнее удивилась я. – Тогда напомним и я, что на самом деле это ты спешишь. В нашем договоре не было ни слова о сроке выполнения работы.

Я осеклась под пристальным, немигающим взглядом Шерьяна. Кажется, мне наконец-то удалось вывести этого типа из себя. И практически без усилий с моей стороны. Интересно, как именно будет сейчас ругаться храмовник? Служителям бога вроде запрещено сквернословить. Всегда мечтала услышать, как они выпутываются из столь печальной ситуации.

К моему огорчению, Шерьян даже общеизвестное орочье

ругательство не употребил. Просто горестно возвел потемневшие от ярости глаза к небу, прошептал пару слов на каком-то древнем наречии и уже через миг крепко подхватил меня под локоть. Я невольно поморщилась от боли: пальцы мужчины чересчур сильно впились в мое предплечье. Однако стойко продолжила восседать на прежнем месте, изо всех сил противясь попыткам работодателя поднять меня на ноги.

– Пойдем. – Храмовник произнес это спокойно, но почему-то от его негромкого голоса меня мороз продрал по коже. – Не выводи меня из себя.

Чувство самосохранения призывало меня не вступать в пререкания с работодателем, здравый смысл робко намекал, что я уже достаточно отдохнула и без проблем преодолею оставшийся путь до дома Шерьяна. Но тут совершенно некстати вмешалось въедливое любопытство.

«И что он с тобой сделает? – с сарказмом спросило оно. – Достанет свой жуткий меч и примется с дикими криками гоняться за тобой по всему городу? Да его мигом стражники задержат и в темницу на пару суток упекут до выяснения обстоятельств. А этого времени вполне хватит на то, чтобы со всем скарбом, нажитым непосильным трудом, перебраться к гномам».

– Я устала, – прохныкала я, не без усилий освобождая руку из мертвой хватки храмовника. – И вообще, где твое хорошее воспитание? Несчастная, слабая девушка из сил выбивается, тащит на себе неподъемный груз, а ты тут налегке

прогуливаешься.

– Это ты-то несчастная, слабая девушка? – искренне возмутился Шерьян. Воровато огляделся по сторонам и продолжил, чуть понизив голос: – Ты здоровая нечисть, которая без проблем уложит взрослого мужчину на обе лопатки и даже не запыхается при этом. Хватит канючить! Сумку взяла – и вперед!

Конечно, в чем-то он был прав. Благодаря звериной ипостаси мои возможности куда шире, чем у обычного человека. Полагаю, я даже Шерьяна могла бы сейчас усадить к себе на загривок и допереть до места назначения. Но это еще не означает, что за мной не надо ухаживать, оберегать и лелеять. В конце концов, он мужчина, он пусть тяжести и тягает! Тем более что в человеческом облике я ничем не отличалась от обычной девушки. И мои силы сейчас были весьма ограничены столь хрупкой оболочкой.

– Не пойду, – гордо фыркнула я. – Тебе надо, ты и тащи. А я, так и быть, рядом пошагаю.

– Тогда ты рискуешь отправиться в путешествие налегке. – Шерьян чуть скривил уголки рта в усмешке. – Мне твое барахло и даром не нужно.

Я скептически поджала губы, показывая, что мне его угрозы совершенно безразличны. Нет, ну в самом деле, безумно интересно, как храмовник собирается неуступчивую нечисть с места сдвинуть. Быть может, он меня на руки возьмет и так дальше понесет? Ради такой романтики я даже готова со

всем своим добром расстаться.

Реальность оказалась банальной донельзя. Шерьян, словно уловив мою последнюю крамольную мысль, как-то весьма нехорошо ухмыльнулся и больно схватил меня за запястье, рывком поднимая на ноги.

«Отлично! – мысленно фыркнула я от с трудом сдерживаемого смеха. – Он будет меня тащить за руку всю дорогу, а я тогда имею полное право упираться, ругаться и громко плакать от подобного самоуправства. Интересно, как долго его нервы выдержат столь оглушительное звуковое сопровождение?»

Мои раздумья прервались самым прозаическим образом. Неожиданно мир вокруг меня покачнулся и резко перевернулся с ног на голову. Этот бесчувственный чурбан, не мудрствуя лукаво, просто-напросто закинул меня к себе на плечо и прогулочным шагом двинулся вниз по улице. М-да, как-то не так я себе представляла сей способ передвижения, когда думала о том, что храмовник понесет меня на руках. Оказывается, это весьма неприятно, когда находишься в подобном положении. И потом, чего хорошего путешествовать вниз головой? Меня сразу же начало ощутимо подташнивать, а волосы безжалостно забились в рот, мешая выразить праведное возмущение.

– Отпусти меня! – наконец прошипела я.

Попыталась подрыгать руками и ногами, показывая, что не шучу, но потерпела сокрушительное поражение. Нет, ку-

лаками-то в спину Шерьяна мне удалось побить, но толку от этого было ноль – словно в каменную стену стучишь. А ногами я боялась лишний раз пошевелить. Мало ли, вдруг отпустит, и рухну я тогда с высоты человеческого роста лбом на булыжную мостовую. Даже перекинуться не успею.

– И не подумаю, – спокойно уведомил меня Шерьян.

Я поперхнулась. Наморщила лоб, пытаюсь придумать, как выбраться из столь унижительного положения. Превратиться в кошку? Опасно – сейчас день. Мало ли кто в окна подглядывает, тем более после громкой недавней ссоры.

– Шерьян, – ласково проворковала я, понимая, что еще немного – и рискую отправиться в длительную поездку без элементарной смены белья. – Пожалуйста. Я очень прошу. Меня укачивает.

Храмовник печально вздохнул, но все же остановился и легко поставил меня на землю, бережно прислонив к каменной ограде, по которой я тотчас же и сползла на мостовую. Как-то весьма отрицательно на меня действуют подобные резкие перемещения. Кровь то приливает к голове, то отливает – тут любой в обморок грохнется.

– Ну и как ты себя чувствуешь? – Шерьян проявил великодушие и дал мне целую минуту на то, чтобы прийти в себя.

– Отвратительно, – простонала я. – Никогда так больше не делай!

Он промолчал. Потом задумчиво почесал подбородок и негромко произнес:

– Тэфна, я знаю тебя меньше суток, но ты уже успела меня до печенок достать своими истериками и выяснениями отношений на пустом месте. Поэтому давай договоримся: между нами только деловые, рабочие отношения. Когда я заключаю договор, то мне абсолютно без разницы, кто будет выполнять работу – девушка или парень, человек или орк. Главное, чтобы все было сделано в кратчайшие сроки и наилучшим образом. Поэтому говорю тебе сейчас, чтобы потом не было никаких обид. Меня совершенно не трогают твои капризы. На первый раз, так и быть, я прощаю тебя. Но если подобное повторится, то будут приняты адекватные меры. Не спрашивай, какие именно, иначе ночью перестанешь спокойно спать. Тебе все ясно?

Я поперхнулась от железного отзвука, прозвучавшего в голосе храмовника. Значит, вот оно как. Истерики ему мои надоели. Ну что же. Мне не привыкать подчиняться чужим правилам. Посмотрим, храмовник, кто в конечном счете выйдет победителем из этой игры.

– Я могу забрать свою сумку, пока ее на нужды нищих не пустили? – сухо поинтересовалась я, вставая на ноги и одергивая рубаху, выбившуюся из штанов за время недолгой прогулки.

– Пять минут, – равнодушно отозвался Шерьян. – И ни секундой больше.

Я метнулась в уже знакомую спасительную тень. Какое счастье, что храмовник не успел уйти на достаточное рассто-

ание. И какое счастье, что сегодня слишком жарко для всевозможных воришек и карманников. Благодаря этим двум обстоятельствам мое разлюбленное барахло еще скромно белело на фоне темной стены дома. Я коротко выдохнула, привычно закидывая сумку на плечо. И рысью двинулась обратно.

– Успела, – коротко констатировал храмовник, когда я, задыхаясь от слишком быстрого темпа полуходьбы-полубега, вернулась. И вновь двинулся вниз по улице, то и дело озабоченно поглядывая на небо.

Я плелась следом, с наслаждением представляя себе, как было бы здорово убить и расчленить эту сволочь. Никогда не думала, что мне знакомо такое количество зверских способов умерщвления.

Погрузившись в столь приятные раздумья, я не сразу заметила мужчину, который как раз осмелился выйти из дома в раскаленное пекло города. Прохожий осмотрительно не высывался на солнце, предпочитая держаться наиболее тенистой части улицы. Но потом, увидев меня, он радостно вскрикнул и кинулся наперерез.

– Это еще кто? – хмуро пробурчал Шерьян, невольно кладя ладонь на рукоять клинка.

– Привет, Тефна! – не обращая на него никакого внимания, заорал мне почти в ухо прохожий.

– Привет, Аджей, – отозвалась я, с облегчением опуская сумку на мостовую. – Что ты тут делаешь?

Мой приятель смущенно заулыбался, теребя в руках небольшую книжечку. Затем настороженно оглянулся на храмовника, который, не скрывая недовольства, молча стоял рядом, нетерпеливо постукивая пальцами по перевязи.

– Это тот невоспитанный тип, который критиковал твои художества? – громким шепотом спросил Аджей, кинув быстрый взгляд на медальон храмовника.

Шерьян кашлянул от подобного проявления невежливости, но молча проглотил оскорбление. Просто многозначительно приподнял бровь, показывая, что нам пора. Я сначала едва не решила ему своеобразно отомстить за недавнюю сцену, но потом подумала, что это будет неразумно. Не мной сказано: месть – это блюдо, которое надо подавать холодным. Поэтому прибережем пока мелкие гадости и подлости на то время, когда храмовник не будет ожидать подвоха. Тогда и ударим его в спину.

– Аджей, извини, нам некогда, – мило проворковала я, всем своим видом показывая, что с удовольствием поболтала бы еще, если бы не определенные обстоятельства.

– Вот как? – удивился архивариус, еще раз внимательно посмотрев на моего спутника. – Какие у тебя могут быть дела с этим служителем божьим? Сама же говорила, что более подлых типов, чем храмовники, еще поискать надо.

Шерьян глубоко вздохнул, но и на этот раз сдержался. Кажется, я начинаю завидовать выдержке храмовника. Сама на его месте уже давным-давно бесновалась бы и всячески

нецензурно ругалась.

– Я ошибалась. – Я скромно похлопала длинными ресницами. – Среди этой братии встречаются весьма достойные личности.

Понятное дело, окончание фразы – «жаль, что мой провожатый к ним не относится» – я благоразумно проглотила.

– Ясно, – все еще сомневаясь, протянул Аджей. – Тогда не буду тебя задерживать. Слушай, ты бы забежала ко мне, как уладишь свои дела. Поболтали бы кое о чем. Думаю, тебя бы заинтересовало то, что я нарыл... – Он запнулся, недоверчиво покосился на Шерьяна, который с отсутствующим видом стоял поодаль, затем наклонился ко мне и невежливо пробормотал на ухо: – Нарыл на твоего дружка. Ты поосторожней с ним, Тэфна.

– Я не могу сейчас разговаривать, – так же тихо ответила я. – Не волнуйся, Аджей, я сама разберусь. Полагаю, меня некоторое время не будет в городе.

– Тогда хотя бы на досуге прочитай, – свистящим шепотом отозвался приятель, пытаюсь незаметно затолкать книжку, которую держал в руках, мне в сумку.

Получалось плохо – сумка, будучи до отказа забитой барахлом, упорно сопротивлялась попыткам засунуть что-нибудь еще в ее чрево. Храмовник некоторое время с любопытством наблюдал за Аджеем, который, покраснев и вполголоса ругаясь, утрамбовывал книжку в потаенные недра моего дорожного снаряжения, потом кашлянул, привлекая к себе

внимание, и негромко приказал:

– Тефна, догоняй.

Я раздраженно засопела, глядя в спину удаляющегося мужчины. Как же меня бесит его самоуверенная манера разговаривать! Слишком давно я не имела дела с личностями, которые почему-то считают, что могут так запросто мне приказывать. Если память не обманывает, последнему из подобных наглецов пришлось весьма пожалеть о собственной наивности и показной смелости. Хотя не стоит сейчас об этом. Тогда и мне сильно досталось.

С трудом поборов желание запустить чем-нибудь тяжелым в затылок ничего не подозревающего храмовника, я вырвала из рук Аджея книгу и небрежно кинула ее в сумку. На каком-нибудь перевале почитаю, что приятель раздобыл. Вдруг там рассказывается о постыдных увлечениях служителей бога-сына. Все будет повод посмеяться. Помнится, пришлось мне однажды проучить проповедника, который предпочитал отдыхать в шелковом женском пеньюаре. Его чудесный видок я до сих пор вспоминаю в особо тяжелые моменты для поднятия настроения. И то, как веселились домашние горе-священника, когда такое чудо-юдо с завываниями ужаса выбежало из собственной спальни, путаясь в многочисленных рюшечках и вышитых оборочках. Сам виноват, нечего мне было анафемой грозить за непосещение храма по выходным дням и утаивание тяжким трудом заработанных сбережений от церковной подати.

– Спасибо, Аджей, – выдохнула я и, повинувшись минутной слабости, громко чмокнула его в щеку.

Здоровенный детина зарделся словно маков цвет и смущенно отвел взгляд.

– Надеюсь, до скорой встречи, – кинула я напоследок и бросилась бегом догонять храмовника, который успел за недолгий промежуток времени удалиться на достаточное расстояние.

– Береги себя! – донеслось до меня доброе напутствие приятеля.

Шерьян даже не удосужился замедлить шаг, чтобы подождать меня. Понятное дело, к тому моменту, когда мне все же удалось его настичь, пот с несчастной, замученной нечисти лил в три ручья. Но я лишь крепче сжала зубы, сдерживая праведное возмущение таким безобразно равнодушным поведением мужчины. Как же, помним, только деловые отношения. Значит, и переговариваться будем только по острой насущной необходимости.

– Мне начинает казаться, что у тебя все население города в добрых приятелях числится, – через несколько томительных минут молчания все же первым начал разговор храмовник. – Насколько я понимаю, тот замечательный рисунок с изображением медальона дал тебе именно этот знакомый? Как его, Аджей, что ли.

– Не твое дело, – фыркнула я, ощутив, как сжалось сердце в невольной тревоге за приятеля.

– Почему не мое? – холодно возразил Шерьян. – Как раз мое. Впрочем, ладно. Я уже обещал тебе, что оставляю это без последствий. Просто поражаюсь твоему умению заводить столь полезных друзей.

Я невольно улыбнулась, польщенная таким своеобразным комплиментом.

– Тем не менее надеюсь, ты позволишь мне посмотреть ту книжку, которую Аджей так настойчиво тебе отдавал, – немного помолчав, продолжил Шерьян.

– Фигушки! – не сдержавшись, без малейшего почтения рывкнула я. – Даже не подумаю. Уж слишком ты рьяно распорядился прошлым пергаментом. Взял и сжег без раздумий. Мало ли, а вдруг он представлял великую историческую ценность, и Аджею крупно попадет из-за пропажи рисунка. А теперь еще и книжку ему подавай. Ага, прям разбежалась! Обойдешься.

К моему счастью, по окончании этой возмущенной тирады мы наконец-то подошли к дому Шерьяна, поэтому препирательства пришлось на время отложить. Храмовник лишь многозначительно хмыкнул, показывая, что на этом наш разговор не окончен, и скрылся где-то в глубинах сада. А я тут же вытащила многострадальный подарок Аджея из сумки и, немного подумав, засунула книжку за пазуху. Так, на всякий случай. Знаю я этих храмовников, никогда не упустят шанса в чужих вещах без спроса похозяйничать. Впрочем, как и большинство остальных людей.

Поскольку весь мой нехитрый скарб был уже упакован и наготове, я удобно расположилась в тени раскидистого дерева, красовавшегося во дворе, откуда лениво наблюдала за сборами своего ненаглядного работодателя и его неугомонного сына. Как оказалось, в путешествие они в отличие от меня собирались сильно налегке. Лишь пара дорожных сумок, в одной из которой мой нюх без проблем учуял ароматное вяленое мясо и еще много-много вкусностей. Я печально вздохнула и перевернулась на спину, с удовольствием растягиваясь в полный рост. А вот перекусить сейчас было бы весьма кстати. Завтрак уже давно благополучно переварился и упокоился с миром в моем животе, который начинал недовольно бурчать, напоминая, что о нуждах телесных забывать не следует.

– Шерьян, – не выдержав, все же окликнула я храмовника, который в данный момент как раз навьючивал поклажу на нетерпеливо переминающуюся лошадь, – пообедать перед отъездом не желаешь?

– Нет, – мотнул он головой, вдумчиво проверяя упряжь. – И тебе не советую. В такую жару сытым трястись на лошади – удовольствие то еще.

– На какой лошади? – Я резко села, когда до меня дошел смысл его слов. – Ты хочешь сказать, что я тоже поеду верхом?

– Конечно. – Шерьян позволил себе легкую усмешку. – Как же иначе? Или ты предпочитаешь бежать следом? Ду-

маю, на такое зрелище весь город высыпет поглазеть. Великовозрастная девица, пытающая поспеть за всадниками.

– Ну до городских ворот можно и пешочком дойти, – с робкой надеждой предложила я. – А там я перекинусь и вполне смогу тягаться в скорости с вашими скакунами.

– Исключено, – отрезал Шерьян. – Мне только проблем с охотниками за нечистью не хватает. Рано или поздно, но тебя заметит кто-нибудь из крестьян. Вот веселуха нам будет убегать от целой толпы воинственно настроенной священной братии, вооруженной крестами и святой водой. Тут даже мое заступничество тебе не поможет. Скорее меня на соседнем костре сожгут, подумав, что я предал общее дело.

– Никто меня не заметит, – неуверенно возразила я, с тоской подумав о многочисленных деревеньках, расположенных вокруг Мейчара. На расстоянии в три дня пути от города в здешних краях даже в кустики по нужде проблематично сходить – обязательно кто-нибудь будет иметь счастье твой голый зад лицезреть.

– Ты сама-то в это веришь? – скептически поинтересовался храмовник, наконец-то повернувшись ко мне лицом. – Тефна, я никак не пойму, что тебя на этот раз не устраивает? И ты знаешь, и я знаю, что пребывание в звериной ипостаси требует много сил и энергии. И вообще, это грозит тебе массой ненужных проблем и хлопот.

Шерьян был прав. Действительно, длительное путешествие в облике кошки вряд ли принесет мне удовольствие.

Скорее наоборот. Во-первых, меня будет преследовать постоянное чувство голода и элементарная жажда крови, с которой достаточно легко совладать, будучи в человеческом теле, но которая становится практически невыносимой, если пребывание в шкуре животного по тем или иным причинам затягивается. Во-вторых, чем дольше времени ты живешь зверем, тем больше глупеешь. Инстинкты – хорошая вещь, но без человеческой смекалки и ума тоже тяжело обходиться. Один раз мне пришлось быть кошкой в течение целой недели, уходя от преследования. После этого я целый год училась связно разговаривать, а не рычать, словно дикое животное. Впрочем, это отдельный разговор – от кого я тогда бежала и чем все это в итоге закончилось.

Я с сомнением посмотрела на смирную тонконогую лошадку, которая стояла чуть поодаль, видимо дожидаясь меня, как законную хозяйку. Все бы хорошо, но нечисть и верховая езда – понятия совместимые с огромным трудом. Любой мало-мальски сообразительный скакун обычно сразу понимает, что я не та, за кого себя выдаю. И предпочитает держаться от меня подальше. Вполне разумное решение со стороны несчастной скотины. Кому охота носить на своей спине того, кто при удобном случае не откажется с аппетитом тобой же закусить.

– Шерьян, – простонала я, даже не делая попыток приблизиться к животному, которое еще не подозревало, какую свинью ему подложил любимый хозяин, – я никогда не ездил-

ла подобным образом.

– Правда? – нарочито удивился храмовник и состроил лживую сочувственную гримасу. – Очень жаль, Тефна, но ничем не могу помочь. Придется учиться.

Я с затаенной ненавистью посмотрела в смеющиеся глаза Шерьяна. Ладно, служитель бога, попадешься ты мне еще темной ночью на узкой тропинке. Убить не убью, но лицо исцарапаю только так. Если шрамы украшают мужчину, то ты станешь первым красавцем в этой стране.

– На твоём месте я бы не был столь самоуверен, – неожиданно ответил на эти мысли храмовник, заставив меня тем самым подскочить на месте от ужасной догадки. – Смею тебе напомнить, что наш последний поединок окончился совсем не в твою пользу.

Я могла бы ответить на его слова, что он воспользовался на редкость подлым приемом – посадил меня в бочку со святой водой. И вообще, настоящая схватка должна происходить один на один, а храмовник не погнушался прибегнуть к помощи сына. Но в очередной раз промолчала. Сначала надо разобраться с на редкость неприятной привычкой Шерьяна без спроса лазить в чужую голову. Неужто судьба была ко мне так жестока, что подсунула телепата?

Храмовник язвительно ухмыльнулся и протянул мне руку, помогая встать с травы. Затем с издевательским поклоном указал на лошадь. Кажется, вот и пришла моя жизнь к концу. Точно знаю – стоит только подойти к животному, как

оно обезумеет и проломит копытом мой хрупкий череп. Но я натянула на лицо беспечную улыбку и смело вложила трясущуюся от ужаса руку в ладонь мужчины. Прохладные пальцы обхватили мое запястье, и Шерьян без видимого усилия поднял меня на ноги. Намного осторожнее и любезнее, чем в прошлый раз, кстати, когда заставлял тащить сумку.

– Всегда бы так, – не удержавшись, пробурчала я.

Храмовник сделал вид, будто не понял намека, и постоял, пропуская меня к лошади. Несчастное животное, не подозревающее, что через миг станет моим убийцей, с аппетитом хрумкало травку и изредка поводило ухом, отгоняя особо наглую муху. Я сделала маленький осторожный шагочек по направлению к ней, чувствуя, как внутри все замерло от тревожного нехорошего предчувствия. Лошадка тут же подняла голову, оторвавшись от подножного корма, и с любопытством уставилась на меня влажными карими глазами.

– Смелее, – нетерпеливо прошептал Шерьян, с самым добрым выражением на лице подталкивая меня к животному.

Я шагнула еще раз на ватных, подгибающихся от страха ногах. Лошадь скептически посмотрела на мое искаженное ужасом лицо и равнодушно повернулась задом. Ну точно готовится копытом по виску заехать!

– Шерьян, я не могу, – не выдержав, заканючила я. – Она меня убьет. Я этих кровожадных тварей знаю – только поверишь, что они к тебе хорошо относятся, так сразу же или

скинут на полном скаку, или шею сломают.

Лошадь с удивлением обернулась, будто поняла мои слова, и обиженно всхрапнула.

– Не клевети на благородное животное! – строго одернул меня Шерьян. Затем, видимо, осознав, что я могу тянуть время до вечера, приобнял меня за талию и, несмотря на отчаянное сопротивление, подтащил к лошади. – Лезь! – приказал храмовник.

– Не буду! – мотнула я головой и с отчаянием закусил губу, пытаясь не упасть в обморок от такой близости к исчадию бога-отступника.

– Если Таша – исчадие, то ты тогда кто? – риторически спросил храмовник, в очередной раз подтвердив мои догадки о природе своей невероятной прозорливости.

Точно телепат. Вот ведь угораздило меня вляпаться. И как такому типу гадости подстраивать? Он же все равно обо всем первым узнает.

– Ташечка, – поняв, что спасения ждать не от кого, засюсюкала я сладким голоском, – девочка моя. Ты же не скинешь меня?

Лошадь совсем по-человечески покачала головой и укоризненно оглянулась на хозяина, будто спрашивая: что за идиотку ты мне привел? Шерьян развел руками, безмолвно извиняясь за мое чудаковатое поведение, и, крепко ухватил меня за бока, легко подсадил в седло. Я сразу же вцепилась потными от волнения ладошками в поводья, а храмовник

тем временем суетливо принялся крепить на лошадь поклажу, то и дело подозрительно фыркая. Будто изо всех сил пытаясь удержаться от громкого непочтительного хохота.

— И ничего смешного тут нет, — прошипела я, поняв, что Шерьян от души веселится над моими неуклюжестью и страхом. — У меня есть весьма резонные причины относиться с недоверием и опаской к лошадям.

— Вот как? — Шерьян заинтересованно поднял голову, с любопытством вглядываясь в мое лицо. — Какие же, интересно?

— Это тебя не касается, — тихо отозвалась я и до крови прикусила губу, не позволяя себе погрузиться в пучину горьких воспоминаний. Сейчас не время. Незачем какому-то там храмовнику видеть мое прошлое.

Шерьян еще некоторое время молчал, словно ожидая продолжения. Или пытаясь подкараулить момент, когда я ослаблю контроль над своими мыслями. Потом с некоторым разочарованием пожал плечами и отошел к сыну, который держал под уздцы двух великолепных гнедых жеребцов.

— Что ж, — негромко произнес храмовник, легко взбираясь в седло, — тогда в путь. Надеюсь, он будет добрым для нас.

Предупредительные слуги заранее открыли ворота, поэтому через миг наша небольшая кавалькада бодро зазвенела подковами по зеленым улочкам восточной окраины Мейчара, спеша вырваться из душного зноя города.

Неприятности начались уже у городских ворот. Казалось, будто все население Мейчара решило срочно отправиться по делам в сельскую местность. На жаре изнывали несколько десятков людей, терпеливо дожидаясь момента, когда стражники наконец-то разрешат продолжить им путь.

— Ничего не понимаю, — озадаченно проговорила я, нервно одной рукой поправляя волосы, а другой крепко сжимая поводья. — Обычно строгий досмотр проводят только на въезде в город. Да и то всегда медяком откупиться можно. На выезжающих внимания почти не обращают. Неужто уперли нечто важное из ратуши, раз стражникам такой приказ отдали? Так я бы знала.

Шерьян как-то виновато отвел глаза и легко спешился. Я его примеру последовать при всем желании не могла. Мне совершенно не хотелось позориться при всем честном народе, когда придет пора залезать обратно в седло. Представляю, сколько будет хохота, когда храмовник вновь примется закидывать меня на лошадь. Нет уж, мне и тут неплохо сидится.

Таша поняла, что неразумная всадница и не думает даже временно облегчить ее жизнь, печально вздохнула и неспешно отошла в тень, не обращая никакого внимания на судорожные рывки поводьями.

– Попробую разузнать что-нибудь, – негромко произнес Шерьян и, небрежным движением убрав медальон под шнуровку рубахи, быстрым шагом направился к началу очереди.

Я проводила его страдальческим взглядом и с некоторым испугом покосилась на Рикки. Вдруг малец решит повторить свой утренний подвиг и попробует прилюдно обесчестить меня. Нет, его, конечно, быстро поставят на место – мужиков-то вокруг полно. Но приятного мало – в пыли на потеху всем присутствующим искупаться.

Рикки почувствовал мое внимание и обернулся. Радужно улыбнулся и нарочито причмокнул, словно говоря, что еще не окончательно потерял надежду поближе со мной познакомиться.

Я раздраженно передернула плечами. Ну вот, только настроение себе испортила. Стоило признать, решение подзаработать на оскорблении чести и достоинства бургомистра было ошибочным. Уж слишком много проблем я из-за этого получила, а денег от гильдии веселых вдовушек еще и не видела. За прошедшие сутки жизнь окончательно повернулась ко мне упитанной филейной частью тела. А ведь мы пока даже не выехали из города. Ладно, рано еще впадать в отчаяние и с упоением предаваться унынию. Будем надеяться, путешествие не затянется надолго. Мое дело маленькое – доставить их к кругу мертвых и со всех ног бежать оттуда. Пусть с остальными проблемами сами разбираются.

– Почему ты так боишься цели нашего путешествия? –

вдруг вкрадчиво поинтересовался Рикки, подъезжая ближе.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и едва не вывалилась из седла.

– Не твое дело, – мрачно огрызнулась я.

– Разве не мое? Мое, – пожал плечами сын храмовника. – Мне весьма интересно, что ждет нас в конце дороги. И я чувствую, что ты лучше чем кто бы то ни было знаешь об этом и можешь рассказать.

Я неопределенно хмыкнула и принялась с преувеличенным вниманием разглядывать толстого неопрятного представителя торговой гильдии. Мужчина сверкал на солнце золотом многочисленных перстней и громко ругался с приказчиком, требуя, чтобы несчастный немедленно вывез его из города, минуя очередь.

– Почему замолчала? – Не выдержав, Рикки легонько тронул меня за рукав, но тут же отшатнулся, когда увидел, каким опасным зеленым блеском сверкнули мои глаза.

Лошадь испуганно всхрапнула, почуяв близость зверя, но на дыбы вставать не стала. Стоит признать, Таша оказалась на редкость спокойным животным. Чего нельзя сказать обо мне.

– Я уже сказала: не твое дело! – прошипела я, поспешно умиряя свою звериную ипостась. Вот только перекинуться мне сейчас для полного счастья не хватает.

– Чего ругаетесь? – прервал нашу перебранку Шерьян, незаметно появляясь рядом. – Более людного места выбрать

не могли?

– Мы не ругаемся, – поспешно мотнул головой Рикки. – Просто я хотел узнать, что такого страшного в круге...

– Тихо! – негромко рявкнул храмовник, встревоженно оглядываясь по сторонам. – О таких вещах не принято говорить при посторонних!

В серо-голубых глазах юноши мелькнуло бешенство. Такое зримое и пугающее, что я едва не втянула голову в плечи, малодушно заскулив. Ох, что-то в самом деле неладное творится с мальчиком. Еще ни одна нечисть меня не пугала так сильно, как этот юнец, у которого молоко на губах не успело обсохнуть.

Шерьян спокойно выдержал полный ненависти взгляд сына. Только пальцы его побелели – так крепко мужчина вцепился в рукоять меча. Рикки, заметив это, первым отвел глаза.

– Прости, отец, – чуть слышно пробормотал он. – Ты прав, я не должен был выпрашивать об этом...

Храмовник некоторое время молчал, с каким-то непонятным напряженным вниманием вглядываясь в лицо сына. Потом с видимым облегчением вздохнул и рассмеялся.

– Когда придет время, я сам тебе все расскажу, сынок, – широко улыбаясь, отозвался Шерьян. – Потерпи еще немного. Пожалуйста, ты ведь у меня хороший мальчик.

Он отвернулся, не дожидаясь ответа юноши, поэтому не видел, как злобная гримаса на миг исказила лицо Рикки. А

вот я видела. И вновь ощутила приступ панического страха. Захотелось немедленно разорвать договор со столь странной парочкой и как можно быстрее бежать из города или, что еще лучше, из страны. Ох, во что-то совсем опасное я вляпалась, как бы усы не подпалить на этом дельце.

– Ты узнал, в чем причина задержки? – поинтересовалась я, постаравшись, чтобы голос не выдал меня предательской дрожью.

– Нет, – разочарованно цыкнул Шерьян, наконец-таки убирая руку с перевязи. – Стражники бормочут что-то невразумительное. Мол, это приказ самого бургомистра – у всех отъезжающих тщательно проверять вещи. Боюсь, мы тут надолго застряли.

Я озадаченно почесала лоб и задумчиво посмотрела на небо, которое потихоньку начинало наливаться синевой раннего вечера. Эдак мы рискуем заночевать в Мейчаре. Плохая примета – если не успеешь покинуть город в день отъезда, то и все дело насмарку пойдет.

– Они даже не брезгуют личным досмотром, – продолжил тем временем Шерьян.

– Чего?! – возмущенно заорала я, мигом позабыв все правила хорошего поведения и привлекая к себе чрезмерное внимание товарищей по несчастью, которые маялись неподалеку от безделья. – Чтобы меня какой-то потный стражник лапал? Драконью чуму на этот город, если я позволю такое!

Из соседней телеги высунулась розовощекая дородная

матрона, которая секунду думала над моими словами, а затем разразилась громкой тирадой, цензурными в которой были только предлоги. Даже купец на время забыл о ругани с приказчиком и заслушался, видимо, запоминая на будущее незнакомые выражения и цветистые обороты.

Краткий смысл фразы женщины сводился к тому, что она руки стражникам пообрывает и засунет в то место, из которого ноги растут, если несчастные только посмеют к ней прикоснуться. Матрону тут же поддержала в кровавых замыслах маленькая, но весьма плотно сложенная гномиха, чью принадлежность к женскому полу выдавали лишь многочисленные бантики в бороде. Словом, присутствующая в очереди прекрасная половина разумных рас моментально вступила в явный сговор с целью накостылять представителям власти.

– Дела, – озадаченно пробормотал Шерьян, невольно пятясь от гномихи, которая, потрясая отобранным у мужа боевым топором, крикливо руководила стихийно собранным женским ополчением. – Как бы тебя, Тефна, не упекли в темницу за подстрекательство к беспорядкам.

Я лишь отмахнулась от предостережения храмовника. Здравый смысл подсказывал, что мы рискуем основательно задержаться в этой очереди. Пока стражники баб успокоят, пока до нас дело дойдет, пока я морду начищу тому, кто меня тронуть посмеет... Пожалуй, как бы в самом деле в темницу не упекли. Я же себя знаю – ни за что не сдержусь, если какой-нибудь пропахшей луковой похлебкой и чесночным са-

лом потный мужлан ко мне руки протянет.

– А медальон ты им показывал? – деловито осведомилась я, пытаюсь найти выход из создавшейся ситуации.

Шерьян неожиданно покраснел.

– Нет.

– Почему? – Я удивленно посмотрела на мужчину.

Вроде бы раньше он казался мне весьма умным человеком. Неужели непонятно, что служителю бога-сына совсем не обязательно стоять с простыми смертными в долгой очереди и подвергаться унижительному досмотру? Да его же без проблем пропустят и еще доброго пути пожелают, стоит только храмовый знак показать. Тем более такой.

– Я бы не хотел, чтобы о моем отъезде кто-нибудь знал, – пустился в путаные объяснения Шерьян. – Слуги всем любопытствующим будут говорить, что я малость приболел и не принимаю гостей. Но если стражники увидят медальон... Словом, уже к вечеру бургомистр будет в курсе нашего путешествия, а я бы желал сохранить его в тайне как можно дольше.

– Понятно, – пробурчала я. Значит, этот вариант отпадает. А жаль.

В нашей компании повисло напряженное молчание. Я сосредоточенно раздумывала над тем, как выскользнуть из гора, не запятнав свою шкурку липкими, потными отпечатками чужих рук. Шерьян с настоящим отчаянием во взоре наблюдал, как неуклонно солнце катится на запад. Только

Рикки казался совершенно счастливым и умиротворенным. Юноша с абсолютно идиотской улыбкой разглядывал ближайшую девицу, которая поспешно вооружалась чугунной сковородкой, вытащенной из глубин баула необъятных размеров. Да уж, чувствует мой нос, стражникам и в самом деле сегодня несладко придется.

– Ты ведь часто общалась с запрещенными гильдиями, – наконец рискнул прервать затянувшуюся паузу Шерьян. – Неужто из города не существует никаких потайных ходов?

– Почему не существует? Существует, – хмуро отозвалась я. – Гномий ведь самогон в Мейчар без проблем доставляют в неограниченных количествах, несмотря на строжайшие запреты городских властей. Однако местонахождение крупных потайных путей знают только главы гильдий. И они вряд ли захотят поделиться с нами этим секретом. А мелкие тропки нам не подходят. Сами-то без проблем пройдем, а вот лошадей вряд ли протащим. Или у тебя хватит сил их телепортировать через стену?

– Телепортировать? – нахмурился храмовник. – Вряд ли. Надорвусь скорее. И буду потом пластом минимум неделю лежать – силы восстанавливать.

– Обидно, – огорченно хмыкнула я. – А то есть тут неподалеку небольшой лаз. Всего-то несколько шагов под землей преодолеть надо. А там ищи-свищи нас в поле.

– Несколько шагов, говоришь... – выдохнул Шерьян и крепко задумался, то и дело кидая оценивающие взгляды на

наших скакунов.

Те, почувствовав нехорошее внимание хозяина, как-то насторожились и даже перестали щипать пожухлую, выгоревшую под безжалостным южным солнцем траву.

Тем временем от головы очереди, упирающейся в накрепко закрытые городские ворота, слышались громкие крики. Я вытянула голову, пытаюсь увидеть, что там происходит. И тут же неприлично фыркнула. Из караульного помещения, видимо, отведенного для осмотра женщин, выбежал красный, словно перезрелый помидор, стражник, на лбу которого вздувался здоровенный шишак. А за ним, по-звериному рыча, вылетела разгневанная женщина, в руках которой красовалась сучковатая крепкая дубинка.

– А ну иди сюда! – Запыхавшись, преследовательница остановилась, утирая со лба пот. – Счас я тебе покажу, как меня под платьем щупать! Я тебя счас так приласкаю – имя свое позабудешь! Приказ бургомистра, видите ли! Да я этому бургомистру его бургомистренный поганый язык вырву и...

Очередь ответила одобрительным гоготом, услышав, что именно собралась делать женщина со столь важным органом городского главы.

– Дура! – Отбежав на достаточное расстояние, стражник рискнул повернуться к противнице. – Да кому твои потные тела нужны? Приказ я выполняю, самому, может, неприятно всяких бабищ трогать.

– Чего?! – взъярилась еще пуще женщина, уязвленная столь пренебрежительным отзывом о своих достоинствах. Перехватила дубинку поудобнее и с самым угрожающим видом пошла мужчине наперерез. – Иди сюда, соколик ясный. Счас ты у меня познаешь ласку настоящей женщины!

Стражник испуганно икнул и нерешительно схватился за рукоять меча. Затем оглянулся на товарищей, которые старательно делали вид, будто совершенно здесь ни при чем.

– На бабу клинком замахиваться?! – оглушительно взревела рядом гномиха, с самым мрачным видом потрясая боевым топором. – Да что же это на свете творится? Бабы, наших бьют!

– Ой, что сейчас будет! – Я в предвкушении потерла руки, собираясь в полной мере насладиться сценой побоища между женщинами и несчастными стражниками. – Ну, бабье племя, вперед!

Очередь мигом ошетибилась сковородками, палками и даже мечами, которые некоторые особо решительно настроенные матери семейств отобрали у мужей. Затем с глухим рычанием поползла вперед. Стражник, осознав, какую ошибку только что допустил, тут же выставил обе руки перед собой, показывая, что не вооружен. Но делу это уже помочь не могло. Еще пару мгновений – и историю Мейчара украсила бы очередная легенда про доблестное сражение защитников города с превосходящими силами обезумевшего противника. Правда, не уверена, что победа в итоге достанется

сторонникам бургомистра.

– Тефна, показывай, где тут твой лаз, – очнулся наконец от своих тяжких раздумий Шерьян, не обращая никакого внимания на творящийся вокруг беспорядок.

– Угу, – отозвалась я, напряженно следя за тем, как несчастные стражники беспорядочной гурьбой кинулись в караульное помещение, где попытались забаррикадироваться. Тотчас же дверь едва не слетела с петель, когда в нее с размаха впечаталась гномиха.

– Тефна! – раздраженно повторил храмовник. – Лучше нам побыстрее отсюда убраться. Максимум через пару минут к стражникам подоспеет подмога. Всех в темницу посадят, не разбираясь, кто в драке участвовал, а кто просто мимо проходил. Не меньше недели на все эти разбирательства потратим.

Я с огорчением вздохнула и наконец-то соизволила отвернуться от красочной картины штурма помещения. Верхово-дила в этом действии уже знакомая гномиха. Ее муж стоял рядом с нами и то и дело сокрушенно охал, когда воинственно настроенная женушка взмахивала топором, пытаясь прорубиться к спрятавшимся стражникам.

– Какое оружие портит! – тихо бормотал он себе в бороду, болезненно вздрагивая при каждом лязгающем звуке, который рождался от соприкосновения стали с камнем или с металлическими заклепками на двери. – А что поделать? Пусть уж лучше топор загубит, чем мне голову обухом проломит.

С нее ведь станется.

– А моя мне сковородкой едва нос набок не свернула, – подхватил его жалобы купец, стыдливо прикрывая лицо рукой. – Я лишь ее урезонить попытался. Чего в самую гущу-то лезть? Точно пару золотых штрафа теперь отдавать придется.

Гном невольно схватился за сердце, услышав, на какую сумму сегодня обеднеет. Но потом глубоко вздохнул и обреченно махнул рукой.

– Лишь бы ей бока не намяли, – чуть слышно произнес он. – С остальным разберемся как-нибудь.

Шерьян уважительно хмыкнул при этих словах. Затем повелительно поманил меня рукой, показывая, что дальше медлить просто нельзя. Храмовник был прав. Дверь в карательное помещение, не выдержав напора женщин, в последний раз тягуче простонала и с громким треском пала смертью храбрых. Мужчины, опасливо наблюдающие со стороны за подвигами своих подруг, в унисон вздохнули и зажмурились, когда возбужденно галдящие женщины устремились в убежище стражников, откуда сразу же послышались крики и звуки ожесточенной потасовки.

– Поехали, – с неохотой произнесла я, звериным нюхом улавливая, что на помощь стражникам вот-вот придет многочисленное подкрепление. Тогда тут и в самом деле станет жарко, поэтому благоразумно удалимся.

Таша привычно потрусила прочь от городских ворот, не

дожидаясь, когда я соизволю поводить указывать ей верное направление. Ну и ладно. Все равно мне пока не подвластна наука управления лошадьми. Самое главное – в правильную сторону едем.

Надо сказать, мы выбрали весьма удобный момент для исчезновения. Потому как едва наша троица скрылась за поворотом городской стены, как со стороны ворот донесся строгий окрик, с легкостью перекрывший возбужденный гвалт женской толпы:

– Бросай оружие! Иначе хуже будет!

– Доигрались бабы, – хмуро заметил Шерьян. – Если меня слух не обманывает, то это голос Гвория.

Я невольно испуганно поежилась. Имя начальника городского департамента охраны порядка было на слуху у всех, кто так или иначе нарушал закон. Жуткий тип – полуэльф с потрясающе правильными чертами лица и бездонными зелеными глазами. Беда только в том, что другая половина крови принадлежала орочьему народу. И даже не спрашивайте меня, как такое могло получиться! Я все равно не отвечу – самой страшно представить. Поэтому если от эльфов Гворий получил красоту, от которой млели все женщины города, то от орков ему в наследство достались цинизм, бесстрашие, пренебрежение к жизни как к своей, так и противника, и почти полная невосприимчивость к чужой магии и боли. Ну и так, по мелочи. Например, дикая силища, наличие которой было тяжело представить в столь хрупком и воздушном со-

здании.

– Почему начальник городского департамента лично отправился умирять обычные беспорядки? – себе под нос буркнула я. – Значит, он был где-то неподалеку? Что же такое могли стащить из городской ратуши, если бургомистр пошел на столь беспрецедентные меры?

Шерьян сделал вид, будто не услышал моих рассуждений. Я же тем временем мучительно соображала. Никогда не верила в совпадения. А предстоящее дело начинало по-настоящему пугать меня. Мне моя шкура и лапы слишком дороги, чтобы рисковать ими. Пусть и за хорошие деньги. Никогда не пойду на дело, если не буду уверена, что оно закончится для меня благополучно. Если бы могла – тотчас бы разорвала договор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.